
CORRABORIS
LEGENDS OF
CORRABORIS
THEAKON
18+

Тэя Кон

Легенды Корраборис

«Автор»
2026

Кон Т.

Легенды Корраборис / Т. Кон — «Автор», 2026

Мир, рожденный из чужой плоти, обречен захлебнуться в собственной крови.Спустя двадцать лет ссылки в столицу Корраборис возвращается древний и опасный род Сэмюэльсов. Во дворце, пропахшем многовековым инцестом и гнилью интриг, лорд Алан и его дети начинают смертельную игру за престол. Холодная и расчетливая леди Эбигейл Сэмюэльс шаг за шагом претворяет в жизнь мрачные пророчества матери. Ради её триумфа верный стражник готов хладнокровно перерезать глотки в ночи, а союзники из враждебных кланов — предавать собственные семьи.Но нити судьбы рвутся, когда заговорщики спасают израненную, осквернённую жертву чужого порока. Одно милосердное решение путает все карты в видениях и запускает цепочку новых смертей. Тайные союзы трещат по швам, пока за закрытыми дверями замка калечат невинных, а в лесах беснуются хищники. Чтобы выжить и перехитрить неотвратимый рок, отчаявшимся одиночкам придется рискнуть всем и переступить черту Запретных земель ради Книги судеб.

© Кон Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие. 5
Глава 1. Дальний путь. 7
Глава 2. Болдуины - преданность и честь. 11
Глава 3. Тени в ночи. 13
Глава 4. Да будет бал! 17
Глава 5. Женские хитрости и мужские взгляды. 22
Глава 6. Арчибальд Вольф. 26
Глава 7. Раненые души. 28
Глава 8.Судьба благоволит Гольдманам. 31
Глава 9. Рэндольф Болдуин. 33
Глава 10. Место возле короля. 35
Глава 11. Ставки сделаны. 37
Глава 12. Победитель получает все. 38
Глава 13. Разитые мечты. 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Тэя Кон
Легенды Корраборис

Предисловие.

Ни жизни, ни разума, ни чувств. Ничего не было в этом мире. Лишь тот, кто сотворил его бродил по пустынной земле, а бесконечная синева расстилалась над его головой. По крупицам создавал он вселенную из плоти своей и бессмертной души. Махнув рукой, он создал ветер, локон волос его стал ручьем. Он создавал леса и поля, реки и горы, животных и птиц. И любовался творением своим, покуда любовь его не стала так велика, что он захотел разделить ее с кем-то еще. Но не было ни кого в этом мире. И создатель, обреченный на вечное одиночество пролил слезы, что стали озером душ. Тихий шепот озера подсказал ему путь. Не бывает жизни без смерти и не бывает чудес без жертв. Он опустил глаза свои в озеро и, ослепнув, создал новую жизнь, способную узреть его мир – людей.

Не были люди сильны и мудры, как создатель, но были они полны жизни и чувств. «Узрите мир мой, теперь вы его наследники!» - провозгласил он. Но чувства людей затуманились жаждой и голодом. Ничто не могло их увлечь, пока не будут исполнены их желания. И сгораемый от желания показать свой мир людям, вновь вернулся к озеру создатель и отдал водам свой палец, чтобы явить миру тех, кто будет служить народу – деятелей.

Деятели были сильны. По подобию отца своего, они создавали чудеса и одаривали людей простыми благами. Создавали крышу над их головой, что берегла от палящего солнца, урожайные земли и сытные яства. И жизнь людей наладилась, но утолившие жажду и голод, они просили празднества. Не было им дела ни до красот, ни до просторов мира. И вновь создатель пришел к озеру**,** и отдал свой второй палец ради людей в омут вод. И создал созерцателей.

Служили они людям, так, как нарекал им их создатель. И пусть не были они сильны, как деятели, но чары их были завораживающими. Силой своей они вдохновляли умы, рождая искусство. Они придавали могущество тем, кто нуждался в них, и разжигали дар своих соратников – деятелей, чтобы те лучше служили людям. А люди, что с них взять, утолившие жажду и голод, скуку и чванство, утомленные, заснули. Когда последний луч солнца скользнул по новому миру, на спящих людей напали. Дикие звери, что были когда-то любимым творением своего создателя, набросились на людей. И кровь лилась рекой, застилая собой мягкий песок. Но ни деятели, ни созерцатели не в силах были защитить своих господ. И тогда ринулся создатель вновь к озеру и отдал все три своих пальца, чтобы уберечь людей от погибели.

Первыми явились стражники. Бесстрашные войны, что создавали щиты своими чарами и сражались сильнее любого дикого зверя. Преданность и честь двигали ими, и**,** закрывая собой людей, готовы были они отдать жизнь за них. Когда же битва закончилась, следом явились целители, те, кто касанием руки мог залечивать раны, забирая при этом часть страданий людей себе. Через боль и муки спасали они раненых. Но изнеможенные, вставали и шли к следующему человеку. И так, люди были спасены, но опасность мира, все еще висела над ними. И тогда к ним явились последние посланники создателя - прорицатели.

Наделенные даром предвидения, могли они предугадывать беду, что надвигалась на людей. Предупреждали их о грозах и дождях, бурях и ураганах. Стражники защищали их от надвигающихся бед, деятели одаривали их кровом и хлебом, лекари лечили раны, а созерцатели развлекали жадные души людей. И так жизнь пошла своим чередом, вращаясь возле низменных желаний людей. Были их дни беззаботны и легки, и не было им дела до окружающего их мира. Сколько не молил создатель, не хотели они принимать всю прелесть его творений. Лишь плоть беспокоила их, но никак не красоты мира. Напротив же, стали они разрушать его

– уничтожая леса, истребляя зверей и птиц, иссушившая водоемы. Голоду их тщеславия не было предела, хотелось им управлять всем, что видели их глаза и слышали их уши. И задумал тогда создатель проучить людей и создать тех, кто будет править над ними.

Вернувшись вновь к озеру, он склонился над водами, обдумывая свою месть, как вдруг поразила его боль. За спиной раздались голоса его детей, озлобленных и жестоких, с камнями и палками, пришедших убить своего создателя. Знали они все о замыслах его, ведь прорицатели, дарованные им в службу, предупредили людей об опасности. Люди напали на того, кто даровал им жизнь, но создатель будто и не пытался противиться этому. Пока тело его терзали его же дети, он вспоминал мир, что создал когда-то. Тот мир, который он видел еще до этого, как отдал свои глаза во имя жизни людей. Мысли его путались, боль заглушала чувства. И на последнем вздохе он попросил людей лишь об одном – простить его за их страдания.

Когда бойня закончилась, люди бросили растерзанное тело создателя диким зверям, но те не притронулись к нему. Они попытались утопить его в бескрайних болотах, но тело осталось на поверхности. Ни воды, ни огонь не решались навредить своему создателю. И люди разделили тело его на части. Голову бросили на север, руки на юг, ноги на запад, а туловище на восток. Сердце создателя они вырвали и бросили в пучину вод озера, чтобы то поглотило его навсегда. И жизнь их стала, как прежде.

Слуги людей были унылы и задумчивы. Небо над головой, заполнилось тучами, а ветер дул так, что деревья поклонялись земле. Прорицатели поняли все раньше других, но смолчали. Остальные, почувствовав приближение новой силы - готовились. И в один из дней в мир пришло последнее дитя создателя – эмпаты.

Сотворенные из вырванного сердца, видели они все пороки и слабости души. Сила их казалась безграничной, ведь почувствовав страх людской, они использовали его против них самих же. Одним лишь касанием руки они узнавали главные слабости людей. И те**,** кто был влюблен – умирали от страсти, те**,** кто боялись – изнывали от ужаса. Они подчиняли волю и чувства людей, ставя их на колени пред собой, а бывшие слуги их отвернулись от тех, кому клялись служить. И мир погрузился в безумие. И не было больше в нем места для правления человеческого. Сильные заняли свое место, а люди в наказание за свои преступления стали им служить.

Так и зародились легенды Корраборис. И так распределились силы.

Глава 1. Дальний путь.

Ленивые взмахи поводьев напоминали лошадям о том, что их путь еще не закончен. Все участники процессии были порядком измождены. Лошади плелись из последних сил, кучера засыпали, а стражники уже потеряли свою бдительность. Что до тех, кто ехал в каретах, кажется, больше их изматывала не дорога, а ожидание предстоящих событий. Пять карет, две из которых были большими и богато украшенными, наконец, выехали из густого леса в сопровождении десятка стражников.

В первой карете находились четверо. Все они держались достойно, стараясь не показывать остальным свою усталость. В былые времена, весь Корраборис знал о силе и могуществе семьи Сэмюэльсов. И хоть эти времена давно прошли, каждый из них старался нести свою фамилию так, как им завещали предки. Алан и Аллен, лорд и леди поместья Сэмюэльсов, сидели рядом. Аллен положила голову на плечо мужа и с нежностью посмотрела на своих детей, сидящих напротив. Все трудности последних двадцати лет отпечатались на ее лице. Морщинки предательски выдавали все тяготы, через которые она, вместе со своим горячо любимым мужем, прошли рука об руку. Муж, высокий и статный, заботливо потрепал ее по руке, и она снова почувствовала себя семнадцатилетней девчонкой.

- Не верится, что все скоро закончится. – сказала Аллен, глядя на мелькающий пейзаж в окне. Эбигейл, их старшая дочь, оторвалась от своих мыслей и перевела взгляд на родителей.

- Боюсь, мама, все только начинается. - она посмотрела на переплетенные ладони матери и отца и заговорчески ткнула брата локтем.

Аарон, который тоже был погружен в свои мысли, неохотно взглянул на то, что ему показала сестра. Лицо его всегда было напряженным. Совсем юные черты лица скрывались за маской снобизма и стати. Аарону, как и его сестре**,** было восемнадцать лет, но разница меж ними казалась колоссальной. Он был высок и хорошо сложен, темные, как смоль волосы, отличительная черта их семьи, всегда лежали так, будто исполняли его указ. Казалось, будто нет в его сердце и голове места для безумных страстей и необдуманных решений.

Эбигейл же напротив всем своим видом показывала свой пылкий характер. Волосы ее были такие же черные, но в отличие от послушной прически брата, жили своей жизнью, выбиваясь из причесок озорными завитками и дерзкими кудрями. Талия ее была узкой, а бедра опрятно широкими. Грудь и плечи часто бывали обнаженными, и к тому же она завораживающе дышала по-женски, нарочито приподнимая грудь при вдохе.

- Как бы мне не хотелось признавать этого, - начал Аарон. – но Эбигейл права.

- Ты хотел сказать: «Как всегда права»! – лукаво поправила его сестра и изнеможенно покашляла. Аарон сделал вид, что не слышал слов сестры и продолжил.

- Как только мы въедем в столицу, наши проблемы лишь усилятся. Нам всем нужно быть начеку. – Он жестом указал на скрещенные руки родителей. И те, пристыжено спрятали свои ладони себе под одежду.

- Аарон прав, - добавила сестра, утвердительно кивнув на то, что мать с отцом правильно поняли посыл его слов.

- Ты хотела сказать: «Как всегда прав»! – поправил ее Аарон. Эбигейл театрально закатила глаза и продолжила.

- Получить приглашение на день рождения принца, было знаком доброй воли от короля, но не думайте, что все забыли о том, что сделал дядя Ричард. – Она запнулась и**,** переводя дыхание, продолжила. – Они будут следить за каждым нашим шагом.

- Посмотри, любовь моя, - шутливо прервал их Алан – наши дети учат нас тому, как вести себя в обществе. Он показательно вернул руку жены из-под юбок и продолжил ее поглаживать. Аллен звонко рассмеялась и поспешила успокоить детей.

- Мои птенчики, если опасность нависнет над нами, я обязательно это предвижу! К тому же, мы так долго готовились к этому дню.

- Твои видения не точны, мама, и к тому же надоедливо изменчивы. Глупо полагаться лишь на них. – Эбигейл опустила руки в декольте и вытащила оттуда небольшую бутылочку. Сделав пару глотков, она глубоко задышала. – Мое лекарство на исходе. – Продолжила она. – Полагаю, этого в твоих видениях не было.

- Виктор добудет еще, как только мы прибудем на место. До столицы дотянешь? – строгое выражение лица брата на секунду выдало обеспокоенность.

- Ну, конечно! - Эбигейл утомленно прикрыла глаза и задернула небольшую шторку от света. – Слушайтесь Аарона, - сказала она, обращаясь к родителям. – И тогда наш план удастся. – Эбигейл устроилась для сна. Всю оставшуюся дорогу родители не сводили с нее глаз, прислушиваясь к ее неровному дыханию, а брат снова погрузился в поток мысленных забот о семье. И кто бы, что не говорил о Сэмюэльсах их отличало от остальных знатных семей одно – безграничная преданность и любовь к своим близким.

Во второй карете, следовавшей за Сэмюэльсами, были всего двое. Юноша двадцати пяти лет, грузный и румяный, был одет показательно дорого. Он выглядел настоящим великаном на фоне своей скрюченной пожилой спутницы. Пирс Гро, близкий друг Аарона и Эбигейл был полон жизненных сил и горел любовью к миру. Он с энтузиазмом смотрел на мелькающие деревья в окне кареты и каждый раз удивлялся, когда цветущие луга сменялись не менее цветущими лесами.

- Как поразительна природа на юге, моя дорогая Аннет! - воскликнул Пирс, обращаясь к своей старой няне. Не разделявшая прелести долгой и томительной поездки старая женщина ворчливо ответила.

- Мне наш северный климат куда больше по душе, мой мальчик. Куда бы ни пошел всюду снег да горы, а тут начинает болеть голова от такого большого разнообразия. – старая няня развернула платок и принялась медленно есть его содержимое – ароматный хлеб и пару кусочков мягкого сыра.

- Я ведь просил вас остаться в поместье. Присмотрели бы за слугами, они без вас наверняка перевернут всех с ног на голову! – от этих слов няня схватилась за сердце и протяжно заохала.

- И доверить ваше сопровождение Сэмюэльсам? Ну, уж нет, мой милый лорд, я в силах преодолеть этот путь, чтобы позаботиться о вашей чести. Вы ведь знаете, как я отношусь к тому, что вы водитесь с этими людьми. А эта вздорная девчонка, вечно заставляла делать нас привалы, и теперь мы рискуем опоздать на торжество! – Пирс недовольно вскинул бровь, но натура его не позволяла держать долгие обиды на людей. И хоть ему были неприятны слова няни по поводу его близких друзей, он решил сменить тему и увести мысли Аннет в другое русло.

- Когда вы были последний раз в столице? – няня, тут же забыв о своих сквернословиях, погрузилась в чертоги памяти.

- Да когда еще ваши родители были живы, мой милый лорд! Помню, как сегодня, матушка ваша**,** так же смотрела по сторонам боясь упустить хоть что-то из виду. Так ее завораживала красота юга. А отец все ворчал о дальности дороги. – Аннет грустно улыбнулась. Пирс нежно погладил ее по плечу и продолжил смотреть на дорогу. А старая няня все продолжала ворчать о своенравности Эбигейл Сэмюэльс и о том, как оскорбиться весь двор их опозданием.

В трех других каретах следовали за своими лордами и леди их ближайшие слуги. Но одна карета выделялась своим убранством и роскошью, что говорило о том, что сидящие в ней были важны для тех, кто ехал спереди.

В ней сидели юная красавица Ребекка, гувернантка Эбигейл и статный стражник молодого лорда - Виктор. Ребекка была младенцем, когда ее сироткой приняли в поместье Сэмюэльсов и поручили кормилице Эбигейл вскармливать еще и ее. С тех пор связь их лишь крепла, не смотря на неравенство положений. С самого детства Ребекку готовили стать гувернанткой Эбигейл и учили тому, что ей пригодилось бы в будущем. Гувернантка из нее вышла скверная, зато она стала верной подругой, умела хранить тайны и не задавать лишних вопросов. О красоте ее было сложно спорить. Белокурые волосы собирались в аккуратные локоны и падали на длинную шею, ясные голубые глаза всегда смотрели с озорством. А ее непринужденность заставляла светиться даже самые строгие лица и озаряла самые темные времена.

Виктор, служивший юному лорду Аарону, был похож на своего господина. Их объединяла любовь к порядку и строгости, но за острыми чертами лица стражника проглядывался пылкий характер юноши. Он был сдержанным и сильным воином, готовым подставить себя, защищая от меча и стрел вверенных ему в защиту людей. Его ясный ум и собранность покорили юного Аарона и тот, вопреки своим убеждениям**,** считал своего слугу другом. Виктор принадлежал к древнему роду Дунканов, чья судьба всегда была переплетена с семейством Сэмюэльсов. И когда**,** после гибели родителей, он попал под опеку своего дяди, служившего стражником у отца Аарона, его начали готовить к тому, чтобы стать защитником юного лорда.

Оба спутника выглядели обеспокоенными и уставшими. Но, не сговариваясь, каждый пытался придавать своему лицо воодушевленный и уверенный вид. Чтобы отвлечься от переживаний, Ребекка перебирала в голове список нарядов, которые ей было необходимо подготовить для Эбигейл «Зеленное платье с золотым орнаментом, платье с бахромой, наряд для конных прогулок…». Этот поток мыслей помогал не думать ей о состоянии своей госпожи, которая, наверняка утомленна их дальней поездкой.

Виктор же, беспрестанно начищал кинжал с богато украшенной камнями рукояткой, подаренный ему Аароном в день, когда Виктор принес ему клятву верности. Монотонно и тщательно он приступал к этому действию каждый раз, когда думал о защите семьи Сэмюэльсов.

- Думаешь, с ней все хорошо? – обеспокоенно спросила Ребекка спутника. – Уверен, что лекарств хватит? – Виктор, не отрывая взгляда от клинка, ответил.

- Конечно, не хватит, я раздобыл для нее лекарства больше, чем было нужно, но Эбигейл никогда не умела рационально использовать ресурсы. – Ребекка обеспокоенно заколотила костяшками пальцев по коленям. – Она справится, тебе ли не знать, какая она сильная?

- Я в ней не сомневаюсь, но ты, кажется, не совсем понимаешь важность предстоящих событий! – она посмотрела на Виктора так, чтобы тот почувствовал ее тяжелый взгляд и оторвался от кинжала. Это**,** как всегда**,** сработало, и он вопросительно посмотрел на девушку. - Ты, как всегда, думаешь лишь о своем, напыщенный мужлан. Дело тут куда более тонкое, чем вам с Аароном кажется. Дорога ее измотает, а во дворце все будут смотреть на нее! Всех лордов и леди призвали на празднование совершеннолетия этого – Ребекка состроила гримасу отвращение – принца. Там будет настоящий бал сватовства. У нас может не быть второго шанса пробраться во двор к этим напыщенным – лицо ее снова выдало отвращение – людишкам. Поэтому, Эбигейл должна быть безукоризненно прекрасной!

- Она и так безукоризненно прекрасна! К тому же мы прибудем в ночи, никто не увидит Эбигейл. А к утру я добуду для нее новые – Виктор запнулся, и, понизив голос, закончил – лекарства. А ты! – Поучающее обратился он к Ребекке. – Следи за своим лицом! Иначе весь двор поймет твое отношением к ним, едва ты выйдешь из кареты.

Виктор вернулся к своему прежнему занятию, отвлекающему его от дурных мыслей. Но, натирая драгоценный камень на рукояти, с усмешкой добавил.

- И не забывай свое место, кланяйся Эбигейл, называй ее миледи. – лицо девушки вспыхнуло, и карету наполнил звонкий смех.

— Вот еще! Это уж точно будет испытание! Эбигейл от смеху еще хуже станет, стоит мне только будет назвать ее так. – Виктор ухмыльнулся, а кареты продолжая нести своих путников в неизвестность, лениво покачивались под садящимся солнцем.

Глава 2. Болдуины - преданность и честь.

В скромно обставленной длинной комнате расположились три брата. Кровати, стоявшие в разных ее углах, должны были служить для них временным пристанищем на момент пребывания во дворце. Для трех юношей места была мало, но никто из них даже словом не обмолвился о неудобствах или стеснении их персон. В этом и были все Болдуины! Не было в их жизни ни празднества, ни лоска. Руки их всегда были натружены, а желудки наполовину пусты. Они вставали раньше пастуха и ложились позже смотрителя, чем избаловали свою и так не многочисленную прислугу. Кухарка ежедневно подавала им подгорелые яйца, а горничные убирали лишь там, до куда доставал беглый взгляд.

Двадцать лет, назад не имея ни титула, ни имени, Деклан Болдуин, отец семейства, будучи рядовым солдатом королевской армии, смог завоевать расположение короля Эдвина Глисона во время «Кровавого бунта». Тот же, в свою очередь, в награду за преданность королевской династии поручил ему в правление скромное поместье, подняв его тем самым в глазах других солдат, но, не даровав ему титула и регалий, что сделало их семью так и не признанной при дворе. Поместье, что было получено юным Декланом, было неплодородным и всеми забытым. Но кровь и пот, что годами проливал новоиспеченный помещик на своих землях**,** дали плоды и сделали его одним из самых успешных землевладельцев.

Деклан растил своих трех сыновей Рейнарда, Гектора и Рендольфа в труде и почтению к традициям, никого не выделяя и никого не ставя выше. Мать их, Нора Болдуин, наотрез отказывалась от методов воспитания мужа. Осознавая безвыходность своего не титулованного положения, она вкладывала в образование своих сыновей все доступные ей ресурсы. В ней еще теплилась надежда на то, что за счет удачной партии, пусть и не богатой, но имевшей уважаемую родословную, они смогут поднять статус своей семьи на новый уровень.

Нора возлагала большие надежды на Рейнарда, старшего из братьев. Его острый ум и утонченность манер, должны были, по ее мнению, завоевать сердце какой-нибудь титулованной особы.

Гектору, среднему сыну, она отводила не меньшую роль в своих сватовских замыслах. Он не был наделен красноречием и умом старшего брата, но превосходил его в красоте и обаянии. Стоило кому-нибудь взглянуть на высокого широкоплечего Гектора, пылающего здоровьем и мужеством, они покорялись ему, словно божеству! Конечно, пока тот не начинал говорить, изрекая что-то несуразное от волнения, и обильно покрываясь потом. К тому же, он совершенно не умел смотреть женщинам в глаза! Лицо его покрывалось краской, стоило ему заговорить с хорошенькой девушкой. Поэтому мать решила, что какая-нибудь молчаливая леди, вполне сможет смириться с робостью сына и составить ему прекрасную партию.

Что же касалось младшего из братьев, Рендольфа, что ж… «Разве у них не хватит места, чтобы он остался жить с ними?» - думала Нора, каждый раз, когда мысленно примеряла невест для своих сыновей.

- Мама будет так рассержена, когда увидит комнату, в которую нас поселили! – радостно воскликнул Рэндольф, готовясь ко сну. – Она всю дорогу размышляла о том, в какие покои нас разместят. Рейнард не одобрительно посмотрел на младшего брата.

- Не смей подтрунивать над ней! Ее больное сердце и так тяжело переносит странствия. Пусть она вдоволь насладится этим балом. – на правах старшего брата, Рейнард всегда считал нужным защищать честь отца и матери. Даже если защищать их приходилось от младшего брата или от их самих. Рэндольф примирительно развел руками, но все же продолжил.

- Как думаешь, кого матушка приметила тебе в невесты? Не удивлюсь если саму Эбигейл Сэмюэльс, не думаю, что ее смутит прошлое их семьи. – услышав имя девушки, сердце Гектора предательски дрогнуло, но он, не подавая виду, продолжил рассказывать свои вещи в шкаф. –

Хотя с учетом, того, что их пригласили ко двору спустя двадцать лет ссылки, кажется, король уже позабыл, что Ричард Сэмюэльс был из тех, кто устроил «Кровавый бунт».

Рейнард жестом приказал брату замолчать и выглянул в коридор. Убедившись, что там никого нет, он закрыл дверь и тихо сказал брату.

- Следи за языком Рэндольф, если не хочешь навлечь беду на всех нас. Мы в королевском замке. – многозначительно произнес он, но, кажется, брат так и не распознал надвигающую угрозу в его взгляде. – Тут повсюду слоняются придворные интриганы, желающие поднять свое положение за счет других.

- Если ты про нашу матушку, братец, то она наверняка давно спит! – мягкий смех Гектора, который все это время молчал, заполнил их маленькую комнату. Он придавил младшего брата своим большим телом к кровати, заставляя его отвлечься от перепалки. В попытке освободиться от натиска брата, Рэндольф тоже рассмеялся. Легкая улыбка посетила лицо Рейнарда, но он тут же попытался ее заглушить.

Лишь спустя час, братья смогли угомониться и под настойчивым взглядом старшего, лечь спать. Но когда свечи были погашены, кое-что снова прервало спокойствие Рейнарда. Во дворе послышались топот более трех десятков лошадей и шум прислуги. Рэндольф, не в силах бороться со своим любопытством выглянул в окно и увидел, как из роскошных карет выходят люди. Девушку, закутанную в плащ, вели под руки двое мужчин. Она подняла голову наверх. И хоть, из-под накинутого на голову капюшона не было видно ее лицо, Болдуин младший понял, что она посмотрела на него. Он тут же отбежал от окна и забрался обратно в кровать.

- Что там? – с наигранным равнодушием спросил Рейнард.

- Кажется, Сэмюэльсы прибыли. – ответил Рэндольф и погрузился в сон. Гектор спустя час волнительных размышлений последовал примеру брата. Рейнард ждал.

Глава 3. Тени в ночи.

Нежный голос Ребекки расплывался по коридорам. Она кокетливо выспрашивала стражников о том, кто уже приехал ко дворцу и где поселился. Стражники, считая, что юная горничная, лишь узнает сплетни для своей госпожи, с охотой отвечали на все ее вопросы, чтобы хоть немного насладиться ее обществом.

В это время Виктор и Аарон вели Эбигейл под руки, успешно обходя всех стражей, что заманивала своими чарами Ребекка. Пирс большими шагами шел впереди этой процессии на случай, если по пути им встретится кто-то из знатных особ, на которых очарование служанки уже не подействует.

Когда покои Эбигейл уже были видны, в конце коридора раздались шаги приближающихся людей. Пирс жестом поторопил друзей, а сам ринулся к неизвестным. Из-за угла показался старый Граф Гарри Гольдман со своей свитой, дрожащей перед господином. Пирс, с дружелюбной улыбкой направился, чтобы замедлить его и дать время Виктору и Аарону скрыться в покоях.

Заметив ночного незнакомства издалека, Гольдман оценивающе осмотрел его одежду, и, поняв, что к нему подходит кто-то из знати, надел свою самую нелюбимую маску – добродетели.

- Ваше сиятельство! – начал Пирс с поддельным благоговением. – Вы наверняка меня не помните, конечно, я был еще ребенком, когда мы с няней гостили у вас проездом. – граф, усиленно вороша самые дальние уголки своей памяти, за осторожничал в том, какого приветствия заслуживает этот юноша. – Пирс Гро. – представился молодой лорд, не дожидаясь реакции от графа.

- Конечно! – расплылся в улыбке Гольдман, услышав фамилию собеседника. Он знал, что еще совсем юный Гро является единственным наследником своей династии и живет уединенно на севере под присмотром только лишь своей няни. К тому же, он приходился ему племянником по линии хоть и ненавистной, но все же ранее уважаемой в обществе бывшей супруги. – Как добрались, мой юный друг?

«Друг» - слово, небрежно выроненное графом, едва не рассмешило Пирса. Он не обладал талантом Аарона скрывать свои чувства и, чтобы не показать своего не уважения откашлялся, и продолжил разговор.

- Дорога была утомительной, мы с Сэмюэльсами слегка заплутали, и приехали, кажется, позже всех!

Услышав фамилию Сэмюэльс, Граф даже не попытался скрыть своего пренебрежения, но собравшись, ответил.

- Слышал, их пригласили ко двору. И как вам ваши соседи?

- Они чудесны. – не давая возможности вставить своих едких комментариев, сказал Пирс. – Обязательно представлю их вам. - и тут же, сменив острую тему, спросил. – Я вот пытаюсь понять, где же мои покои! Моих слуг уже проводили, а я вот решил прогуляться перед сном и кажется, забрел не туда.

- О, вы определено забрели не туда, мой юный друг! – Пирс снова кашлянул, в попытке сдержать смешок. – Это крыло для людей среднего класса. Ваши покои наверняка недалеко от моих. Мы вас сопроводим.

Граф жестом указал в сторону и направился в нужном им направлении. Пирс, украдкой поглядывая на дверь в покои Эбигейл, удалился за графом.

Чем дальше они отходили, тем стремительней усиливалась роскошь убранств. Один из слуг Графа, что был отправлен разведать, где находятся покои лорда Гро, вернулся и подсказал господам, куда им идти. Гольдман встал у дверей в покои и, легко раскачиваясь, всем своим

видом показал, что ждет приглашения, и Пирсу ничего не оставалось, как сделать вид, что это была исключительно его идея.

В покоях беспокойные слуги еще разбирали вещи молодого лорда. Гарри Гольдман зашел первым и, пройдясь важным шагом от одного конца к другому, заключил, что все выглядит сносно. Пирс тем временем обдумывал, как бы избавиться от незваного гостя, чтобы узнать, о самочувствие Эбигейл.

- Вы свободны! Остальное разберете завтра. – приказал граф слугам Пирса, – И принесите нам вина! – служанка, разбиравшая вещи замерла и покосилась на своего господина.

- Элен, отдыхайте. – добродушно подтвердил молодой лорд. – Дорога всех нас утомила.

Служанка, приободрившись от мягкого тона господина, оставила работу и вскоре вернулась с вином. Когда все слуги покинули комнату, Гольдман, изучавший до этого роскошь покоев, наконец, заговорил.

- Мягкость и кротость всегда были губительны для господ, друг мой! Вам следует куда жестче обращаться со своими слугами. – Граф по-хозяйски занял самое большое кресло, в котором его и так щуплое тельце выглядело иссушенным. Он отпил вина и удовлетворено кивнул. Пирс последовал его примеру и налил себе до краев полную чашу, решив, что по-другому ему этой беседы не вынести.

- Для этого у меня есть моя милая няня. С ней слуги держат ухо востро.

— Это славно, но ведь няня ваша не всегда будет рядом. – граф, изображая участие, чуть понизил голос. - Я хочу, чтобы вы понимали всю шаткость вашего положения, вы последний из древнего уважаемого рода. До этого вам удавалось вести свою жизнь уединенно, но так не может продолжаться вечно. Вскоре вам нужно будет обзавестись супругой и выйти в свет. И я думаю, вам стоит внимательней относиться к тем, кто вас окружает. – многозначительно растянув последние слова, Гольдман улыбнулся.

- Если вы хотите сказать мне что-то о репутации Сэмюэльсов… – начал Пирс, у которого от едва сдерживаемого гнева раскраснелось лицо.

- Что вы, нет! – прервал его Гольдман, поняв, что зашел не с той стороны. Он пружинисто соскочил с кресла и направился за вином. На лице его отражалось смятение, он обдумывал свой дальнейший ход. – Ваша няня наверняка рассказывала вам легенду о Корраборисе, мой юный друг? – вдруг после паузы продолжил он.

- Как же без этого! – усмехнулся лорд Гро. – Я, кажется, выучил ее наизусть! – почувствовав, что упоминание о любимом человеке слегка смягчило собеседника, граф продолжил.

- И какой же урок преподносит она нам? – граф увидев, как Пирс, оживленный беседой, собирался уже философствовать на эту темы, тут же продолжил. – Как по мне она учит нас тому, что сильные сие, всегда одерживают победу! Подумайте только! Каковы были шансы у людей, когда они лишились своего единственного покровителя – создателя! Так и в нашем мире, без покровителей никуда. – граф отхлебнул из бокала и распластался в кресле, удовлетворенный своим остроумием. – Так и вы, мой юный друг, должны обзавестись покровительством сильных людей. Подскажите, кто вы? – Гольдман возбужденно спрыгнул с кресла. – Постойте, я сам отгадаю! Вы созерцатель! Верно? – Пирс устало кивнул. Вино в его бокале заканчивалось с такой же скоростью, как и терпение. Но граф, убежденный в успехе своих речей, лишь набирал обороты. Он подошел к собеседнику и, проведя рукой над его бокалом, наполнил его вином. Жилки на руке графа за пульсировали и сделали на мгновение ее еще более омерзительной.

- Как видите, я деятель. – продолжил Гольдман. – Чары, что даровал создатель, таким как мне велики, и я использую их для достижения благ своей семьи и друзей.

- Например, наливать вино незнакомцам? – съязвил Пирс. Брови графа нахмурились, и он продолжил.

- Я вижу, вы устали с дороги и не можете трезво оценивать мои слова, мой юный друг. Что ж, пусть они будут вам размышлением на сон грядущий! – Граф уселся обратно в кресло и, закинув ногу на ногу, продолжил. – Не будем притворяться, что целью визита всех господ, прибывших в столицу, является совершеннолетие принца.

- Да, уж, притворства нам точно не нужны! – пропустив очередную колкость молодого лорда граф, решительно закончил свою мысль.

- Цель собрания всех ко двору проще, чем кажется. Банальное сватовство! Династия короля Эдвина Глисона заканчивается на его сыне. А тот, жертва многовековой истории инцеста, что было принято во имя соблюдения чистоты крови, не способен даже самостоятельно отправиться в нужник. – граф, почувствовав, как под вином сболтнул лишнего, смягчился. – Бедный юноша. Все надежды династии остаются на сильную кровь его избранницы. Ту, которую, конечно, сам король выберет достойной для принца.

- И вы полагаете, что это будет ваша дочь? – Пирс усмехнулся.

— Это дело решенное, моя Ханна, подходит для этого по всем параметрам. – пренебрежительно отозвался Граф. - Но вот неожиданное появление четы Сэмюэльсов сгущает тучи над уже решенными вопросами. Ответьте, мой юный друг, правда ли миледи Эбигейл так хороша собой, как все об этом говорят?

- Если вопрос замужества уже решен, то к чему вам волноваться о красоте моей подруги? – Пирс встал и демонстративно вылил вино, что появилось благодаря чарам графа в цветок и налил себе свежий бокал из графина.

- Я вам не враг! – наконец сказал после долгой паузы граф. – Напротив, я мог бы помочь вашим соседям восстановить их статус среди остальных. Мой старший сын Эдвин, прошу заметить тезка нашего многоуважаемого короля, еще холост и будет весьма удачной партией для юной госпожи Сэмюэльс. Я даже благородно закрою глаза на деяния ее дяди! – граф не успел закончить. Пирс выпил до дна свой бокал и раскатисто пробурчал.

- Наш разговор окончен, Ваше сиятельство! – он жестом указал графу на дверь. – Я не желаю больше слышать и слова из ваших уст о людях, что дороги мне!

- И все же, дружба с Сэмюэльсами вас погубит, мой юный друг. – непринужденно сказал граф Гольдман, вставая с кресла.

- Скажете это Эбигейл, когда будете стоять перед ней на коленях! – Пирс осекся, а Голдман удовлетворенно улыбнувшись, направился к двери.

«И все-таки, Сэмюэльсы прибыли побороться за трон» - подумал он и направился в свои покои для того, чтобы предпринять свой дальнейший шаг.

Глубокая ночь уже охватила весь замок, но жители его еще не могли сомкнуть глаз. Удрученные заботами о близком, Аарон, Виктор и Ребекка склонились над кроватью Эбигейл.

- Она еле дышит! – разгорячено сказала Ребекка. – Дотянет ли до утра? Может тебе сейчас принести ей снадобье?

Виктор, к которому обращалась девушка, со всей своей решительностью покачал головой.

- Она справится. – произнес он. – Мы подвергнем ее большей опасности, если будем не осторожны. Как только все заснут, я отправлюсь на поиски, и с рассветом передам тебе все, что ей нужно.

Лицо Аарона было мрачным. Он смотрел на сестру с беспокойством, вздрагивая от каждого ее вздоха.

- Виктор прав, Ребекка. - нежно обратился он к служанке. – Знаю, ты любишь ее, так же сильно, как и я. Но мы так много прошли, что попасться сейчас будет глупо. Все решиться с рассветом. - сказал он и, поцеловав сестру в лоб, направился к выходу. Виктор и Ребекка последовали его примеру, оставив Эбигейл Сэмюэльс во власти судьбы. Но тень ночи легла

на лицо девушки ненадолго. И как только шаги стражи в коридорах затихли, дверь в ее покои вновь отворилась.

Облаченный в плащ с капюшоном, к постели Эбигейл подошел человек. Юная Сэмюэльс дрожала во сне, а при кашле изо рта ее выходили кровавые сгустки. Укрытый ночью посетитель медленно поднял подушку, лежавшую возле головы девушки, и внимательно изучил ее, а затем, перевернув пятнами крови вниз, положил обратно. Из карманов своего плаща он достал темный пузырек и, приложив к губам спящей Эбигейл, опрокинул его, направив содержимое в горло девушки. Она неосознанно выпила все до дна. Дыхание ее успокоилось, кровавый кашель прекратился. Выждав еще пару минут, неизвестный тихо вышел из покоев.

Глава 4. Да будет бал!

С первыми лучами солнца замок ожил. Все его обитатели носились из одного крыла в другой, в попытках обогнать время. Шустрые служанки утягивали дам в корсеты, а придворные мальчишки начищали господские сапоги.

В покоях Эбигейл Сэмюэльс было тихо. Яркий свет проникал в окна и заставлял щуриться ее черные глаза. Она критично разглядывала в зеркале свое лицо, на котором отразились муки дальних странствий. Но все же стояла она на своих ногах достаточно уверенно, чего нельзя было сказать о дне грядущем.

Словно стихийное бедствие в покои ворвалась Ребекка. Ожидавшая увидеть свою подругу прикованной к постели она на мгновение замерла, но затем, радостно подбежав, заключила ее в объятия.

- Ты выглядишь куда лучше, чем ночью! – она покрутила уставшее личико Эбигейл. – Виктор не говорил, что занес тебе пузырек лекарств, прежде чем отдать мне остальное. - она протянула десяток маленьких бутылочек. – Смотри, какой славный запас! В столице добыть их, по-видимому, куда проще. – Эбигейл состроила гримасу отвращения, но все же забрала себе несколько склянок.

- Остальное оставь при себе. Это все, что я смогу упрятать в покоях без подозрений. – она откупорила банку и с жадностью осушила ее содержимое до дна. – Виктор не приносил мне лекарств утром, вероятно, эта погода и сон благотворно повлияли на мой организм.

- Что-то тут не чисто… - встревожено произнесла служанка. – Тебе ли не знать, что так просто твой недуг не отступает. – но, не успев закончить мысль, она обернулась на шум, что раздался в коридоре. Через мгновение в дверях показалась рыжеволосая девушка. Вид ее был взлохмачен. Растрепанные волосы неопрятны и грязны. Одежда проста и казалось, заношена до дыр. Незнакомка бегло осмотрела комнату и притворно завопила.

- О, простите меня, миледи! – служанка сделала неумелый поклон и с любопытством уставилась на Эбигейл. Ребекка, почувствовав неладное, сделала шаг в сторону, прикрывая собой подругу. – Кажется, я ошиблась покоями, – продолжила незнакомка, уже не скрывая хитрой улыбки.

- А ну, прочь! – приказала ей Ребекка, чем вызвала невольный смешок подруги. – Где же служит такой невоспитанный сброд!

Девушка угрожающе двинулась в сторону незваной служанки, и та испуганно вывалилась за дверь. Когда комнату вновь посетило спокойствие, Ребекка подошла к кровати и, бормоча, принялась убирать постель.

- Нужно выяснить, кто послал девчонку! Видела, как она уставилась на тебя, будто картину пишет.

Невинно лежавшие подушки ощутили весь гнев девушки, когда та начала взбивать их и приводить в порядок одну за другой.

- Не думаю, что она стоит наших переживаний. – поспешила успокоить Эбигейл свою подругу. – Готова поспорить, что она отправлена своей госпожой, чтобы подтвердить или опровергнуть слухи обо мне.

- Тем хуже, что она увидела тебя сейчас. Как мы объясним, то, что госпожа Сэмюэльс утром была бледна и болезненна, а к обеду чудным образом расцвела, словно цветок весной? – Ребекка неожиданно замолкла.

- Будто другие девушки просыпаются алыми розами с рассветом. – шутливо заметила Эбигейл, но почувствовав тревогу подруги, повернулась и увидела, что та держит в руках подушку, пропитанную пятнами крови.

- Эбигейл! – воскликнула девушка, наконец, вышедшая из оцепенения. – Ночью у тебя шла кровь?

- Откуда же мне знать. Я спала крепким сном. - непринужденно ответила леди. И стараясь увести тему разговора, пробежала оценивающим взглядом по Ребекке. – Тебе стоит переодеться! Не хочу, чтобы ты сопровождала меня в таком простом платье. Возьми что-то из моего гардероба.

- Не пытайся запутать мой ум дорогими нарядами! – воскликнула служанка. – Во всем этом и вправду есть что-то странное. Твое состояние было куда хуже, чем мы думали, а к утру, ты вдруг ожила. – Продолжая смотреть на подушку, она напрягла свое красивое личико, чтобы сложить все воедино.

- Не стоит искать смысл там, где его нет, моя милая. – Эбигейл вновь отвернулась к зеркалу и продолжила осматривать свои уже слегка румяные щеки. – Возможно, нам, наконец, улыбнулась удача!

Ребекка тут же почувствовала ложь в словах своей любимой подруги, покуда ей было известно наверняка, что та никогда не верила в удачу.

Рыжеволосая служанка тем временем бежала со всех ног, чтобы сообщить своей госпоже радостную новость.

- Эбигейл Сэмюэльс дурнушка, каких еще надо поискать! – воскликнула она, как только оказалась в покоях своей хозяйки. – Ясно теперь, куда идут все богатства этой семьи. Сколько же нарядных тканей и драгоценностей понадобиться им, чтобы хоть немного скрыть ее болезненный вид!

Уверенность, что придали эти слова юной госпоже, еще больше украсили ее прелестное лицо, а скромное платье будто засверкало новыми красками на ней.

- Как же ты порадовала меня, Жозефина! Нам нужно срочно приниматься за работу! Бросай все дела и приводи меня в порядок!

Поместье молодой леди Фокс располагалось на востоке земель Карраборис, что подчинялись графству Гольдманов. И пусть поля ее были плодородны, а реки и леса щедры на живность, но под неумелым правлением юной госпожи беднели с каждым днем. К тому же, отец ее, ныне покойный, любил при жизни празднества и игры, чем и растратил все свое состояние, завещав дочери лишь долги и дурную славу легкомыслия. Не знавшая наук ведения хозяйств, леди Мелани Фокс, старалась изо всех сил удерживать данные ей земли в правлении. Но единственным, что позволяло ей и ее людям все еще выживать, была дружба, зародившаяся еще в раннем детстве с сыном графа - Эдвином Гольдманом.

Не имевшая за душой ничего кроме титула, молодая леди, как никто другой понимала, что единственным ее шансом на спасение будет брак с человеком богатым и умеющим управлять землями. Это и послужило причиной принять приглашение на праздник в честь принца. И собрав остатки былой роскоши и последние сбереженные ею монеты, она отправилась в столицу в сопровождении четы Гольдманов и своей ни на что негодной, но единственной служанки.

- Эдвин уже скоро явится за мной. – поторопила Мелани свою служанку. – Он сговорился с отцом, чтобы тот представил меня королю лично! – Жозефина, резко заплетая волосы в прическу своей госпожи, дергала ее не то нарочно, не то слусайно.

- О, миледи! – растянуто провозгласила девушка. - Может и сам принц посмотрит на вас. – она грубо дернула голову госпожи и закончила свою мысль. – Как бы славно нам всем было жить в этом замке!

- Об этом и речи не идет! – возмутилась Мелани, смотря через зеркало на то, как Жозефина неумело пытается совладать с ее волосами. – Даже имея малейший шанс, на такой расклад, я бы сгорела со стыда, от того, что уведу из-под носа Гольдманов престол, после всего, что для меня сделал мой любимый друг. – после короткой паузы она продолжила. – Не сомне-

ваюсь, мы подыщем мне достойную партию здесь! И что уж говорить, возможно, мне повезет больше остальных соперниц, и я… - девушка раскраснелась от своих мыслей. – Кто знает, вдруг я смогу полюбить своего избранника.

Шумный зал наполнялся с каждой секундой. Графы и графини, лорды и леди, слуги и стражники беспрестанным потоком входили в высокие двери. Те, кто уже успели поприветствовать друг друга вчера, вежливо кивали знакомым и объединялись в группы сплетников и заговорщиков. Молодые юноши и дамы, впервые представленные ко двору, лились в зал ручьем в сопровождении своих именитых друзей, чтобы засвидетельствовать фамилии своих семей перед королем. Все шептались обо всем, рассуждая о непристойности платьев и неискренности улыбок других. Но некоторые имена мелькали в толпе чаще других, и когда Алан и Аллен Сэмюэльсы вошли в зал, языки присутствующих затрепетали в ожидании новых поводов для обсуждения.

Позади лорда и леди шел их стражник. Острые черты его лица и слаженность тела, выдавали в нем старшего из рода Дунканов. Лицо его было уставшим, но тело все еще храбрилось защищать своих господ. Так же, как и племянник его - Виктор, Бернард Дункан был предан всем своим сердцем лишь Сэмюэльсам. И следуя за ними сквозь стервятников, он испытывал к столпившимся вокруг лишь презрение.

Подойдя к королю, Алан и Аллен поклонились со всей своей натренированной учтивостью и выразили благодарность за принятие их ко двору. Когда же тот, благосклонно махнув рукой, указал им их место возле дальнего окна, они смиренно направились туда.

- Чтобы сказали наши дети, увидев эти унижения? – обратился лорд к своему верному стражнику.

- Полагаю, что Аарон бы отметил, что вы кланялись недостаточно низко, а Эбигейл, сказала бы, что вы весьма переусердствовали. – ровным тоном произнес Бернард.

- А что бы ответил на это твой Виктор?

- Что вам стоило бы вонзить меч в сердце короля. – тихо произнес Дункан на ухо своему господину.

Они встали на положенное им место и нетерпеливо ждали появления тех, чьи замыслы всегда превосходили их собственные.

Присутствие старших Сэмюэльсов ненадолго оживило скучающих гостей. Но все-таки, окружающие ждали их наследников, слухи о которых доходили обрывками до столицы. Лишенные возможности выходить в свет из-за ссылки их семейства, дети четы Сэмюэльсов так и не были представлены ко двору в свое время, как того обязывал их статус. Поэтому же, не смотря на свой подходящий для брака возраст, они не имели никаких притязаний на возможных супругов и дальнейшее развитие своей судьбы.

Граф Гольдман раздраженно посматривал на присутствующих, которые никак не могли успокоить свои шумные речи и бессмысленные хождения. Он нетерпеливо ждал появление принца, которое состоялось бы лишь в томной атмосфере, позволявшей его слабому здоровью обрести покой и умиротворение. Рядом с ним находились его дети и навязанная заботами сына леди Фокс. Дочь его - Ханна Гольдман, которой едва исполнилось 16 лет, по всем убеждениям графа отлично подходила для роли невесты принца. Она имела здоровые зубы, кожа ее была светлой, но румяной, волосы были прямыми и кристально белыми, и по заверению его самого, мягкими, как у младенца. К тому же она успешно усвоила науки, что также по личным убеждениям графа были необходимы достойным женам: письмо и чтение, вышивка и вязание и, конечно же - покорность и молчание.

Эдвин Гольдман внешне был противоположностью своей сестры. Он был высок, лицо его отливало бронзой, а взгляд, хоть и обманчиво, но смотрел строго. Но разум его был податлив, и под дуновением чужих помыслов прогибался в нужную сторону. Неизменным в нем всегда

оставалось лишь одно - любовь к Ханне и мысли о ее благополучии. Эдвину исполнилось 25 лет, но он даже не подумывал о создании семьи, поскольку главным предметом его забот всегда была сестра. Молодой граф заслонял собой Ханну от взоров увлеченных юношей. Будучи в мужском обществе, он часто слышал о том, что женщины, не имевшие пред собой достойного наставника в лице отца, брата или супруга, были уязвимы для непристойных их помыслов. И потому, всем своим видом Эдвин предупреждал окружающих, что сестра его была под защитой и попечительством.

Мелани, кротко стоя за спиной Гольдманов, нерешительно смотрела по сторонам. Мир, окружающий ее, пугал и завораживал одновременно. Роскошь платьев и блеск драгоценных камней ударяли ей в глаза, застилая все то, что она когда-то, считала праведным. А взгляды, обращенные к ней, давали надежду на светлое будущее. Она заметила потухший взгляд юной дочери графа и обратилась к ней.

- Миледи, вы сегодня прелестней всех в этом зале. – Искренне сказала Мелани. Ханна ответила ей учтивой улыбкой и направила беспокойный взгляд вдаль. Леди Фокс сжалась, но благодарный взгляд ее друга заставил расправить плечи. Всей душой тянулась она к юной наследнице Гольдманов, ведь та была сестрой единственного ее друга. И также неосознанно склонялась к ней Ханна, зная, что Мелани самый преданный друг ее горячо любимого брата. Но пропасть между ними была словно меж голодным и сытым. И как бы ни старались они, преодолеть ее пока что им было не под силу.

Голоса людей волной дошли до Мелани после того, как раздался грохот дверей. Она обернулась на источник всеобщего внимания и опешила.

Пирс Гро и Аарон Сэмюэльс шли во главе, сопровождая Эбигейл. Тело ее горело страстью и жизнью. Лицо было наполнено красками. Изумрудного цвета платье обтягивало ее грудь и талию, отчего дыхание становилось глубже. Держались они достойно, будто это не их призвали ко двору, а все остальные пришли посмотреть на них.

Позади шли Ребекка и Виктор. Одетая до неприличия хорошо для своего статуса, служанка хитро поглядывала по сторонам, изучая взгляды, направленные на ее госпожу. Виктор же смотрел лишь на Сэмюэльсов, пытаясь предугадать каждый их жест. Они оставили своих господ, подходивших к королю, как тому указывали правила и скрылись в возбужденной толпе.

- Ты, кажется, сказала мне, что она дурнушка! – зло прошептала Мелани своей служанке.

- Я ничего не понимаю, миледи! – Жозефина, не отводившая взгляда от госпожи Сэмюэльс, тряслась, чувствуя гнев своей хозяйки. Душевное равновесие покидало леди Фокс, но не меньше неожиданной прелести соперницы ее кольнуло, то, что наряд ее служанки был куда нарядней и богаче, чем могла позволить себе Мелани.

Когда все трое, наконец, оказались возле короля, Пирс немного вышел вперед для приветствия.

- Ваше Величество. - он легко поклонился и продолжил. – Я рад, вновь иметь честь видеть вас.

- Лорд Гро! – возликовал король. Грузное тело мужчины с интересом наклонилось вперед. Он был не высок, возрастом и наружностью стремился к семидесяти годам. Массивная корона на голове отвлекала внимание от редких седых волос, а золотом расшитые одежды прятали под собой толстое морщинистое тело. – Я бы не узнал вас, не будь вы точной копией своей покойной матушки. Вы возмужали и окрепли, а были неуклюжим мальчишкой при последнем своем визите. Жаль, что вы не спешите радовать столицу своим обществом.

- Вы ведь знаете, мой король, сколько забот лежит на моих юных плечах. – поспешил оправдаться Пирс, но внимание короля Эдвина было уже приковано к его спутникам.

- Позвольте представить вам своих верных друзей, чье поместье находиться близ моего. – начал Пирс, обрадованный любопытством к их персонам. – Аарон Сэмюэльс, сын лорда Алана

Сэмюэльса и леди Аллен Сэмюэльс. Достойный наследник своего имения, одаренный чарами деятеля, как и его отец.

Низко поклонившись, Аарон выразил королю свою благодарность за возможность присутствовать на празднике. И тут же отступил назад, давая возможность Пирсу продолжить.

- И его прелестная сестра, леди Эбигейл Сэмюэльс, нареченная созерцателем.

Эбигейл мягко вышла вперед и чувственно поклонилась. Она заглянула в глаза завороженного мужчины и кротко произнесла: «Мой король».

- Что ж… - медленно протянул Его Величество, с усилием переводя взгляд от Эбигейл к Пирсу. – Теперь я понял, какого удовольствия лишали мы себя все эти году, не призывая ко двору семью Сэмюэльсов. – он жестом позвал к себе слуг и раздал им распоряжения. И спустя пару мгновений поддерживаемый вельможами в зал вошел принц Оррин.

Словно марионетка он передвигал своими вялыми ногами по залу. Тело его было маленьким, лицо апатичным. Все происходящее явно доставляло ему не малый дискомфорт. Он мыслил лишь о том, как вернется в постель и заснет. Ему исполнялось шестнадцать лет**,** и он был последним из пяти рожденных детей короля. Братья и сестры его не доживали и до десяти лет, погибая от простуд, хвори и простых ссадин. Мать принца, приходившаяся королю двоюродной сестрой, умерла во время последних родов. И король Эдвин бросил все свои силы, чтобы сохранить жизнь последнему своему ребенку, влача его жалкую жизнь во имя наследование престола династии Глисон.

Подойдя к отцу, принц пустыми глазами посмотрел на стоявшую рядом Эбигейл. Он развернулся к придворным и безучастным жестом объявил о начале бала в его же честь.

Глава 5. Женские хитрости и мужские взгляды.

Гектор Болдуин не отводил глаз от источника его сердечных волнений. Завороженный красотой и грацией Эбигейл Сэмюэльс он совсем не заметил недовольства своего старшего брата, пока голос его не вырвал юношу из мечтаний.

- Если ты не прекратишь так смотреть на нее, пойдут непристойный слухи. – тихо произнес Рейнард. Брат его потупил взгляд и смущенно отвернулся. – Полагаю, все мои наставления держаться подальше от этой семьи были пустым звуком для тебя.

Гектор, собравшийся ответить оправданиями на нравоучения брата, был прерван.

- Никак не могу найти Арчибальда, может он заплутал и мне стоит встретить его. – раздался беспокойный голос Рэндольфа. Он озирался по сторонам в тщетных попытках найти нужного ему человека.

- Ты и не найдешь его здесь, он помогает королевским слугам на кухне. – сказал Рейнард.

- Что это еще значит? – возмущено вскрикнул младший из братьев. – Кто распорядился?

- Я. – короткий ответ юноши еще больше возмутил Рэндольфа.

- Ты сослал моего друга служить на кухню? – его круглое лицо налилось краской. – Он ведь даже не слуга!

Окружавшие люди начали заинтересованно посматривать на спорящих братьев. Беседовавшая в толпе со своей давней приятельницей мать семейства Болдуинов недовольно покосилась на сыновей. Рейнард понизил голос, заставляя брата последовать его примеру.

- Не стоило его вообще брать с собой. Не думаю, что ему самому будет приятно внимание, с которым все начнут изучать последнего потомка эмпатов в Корраборисе. – последние слова были произнесены еле слышно, так, что даже самый изощренный сплетник не в силах был расслышать их.

- Как же благородно с твоей стороны было спрятать его среди прислуги на кухне! – тихо прошипел Рэндольф и резко развернувшись, направился к выходу. – Мне здесь нечего делать без моего друга.

- Рэндольф, не позорь семью! – яростно прошептал ему вслед брат.

- Вы сами себя позорите. – буркнув себе под нос, самый младший из Болдуинов покинул бал за мгновение до его начала.

Когда музыка заполнила бальный зал, все с нетерпением ждали первого шага принца. Каждый понимал, что даже один танец дастся ему с трудом, поэтому выбор первой партнерши его, мог определить фаворитку среди присутствующих. Король Эдвин шепнул на ухо сыну имя избранницы и легко подтолкнул его. Принц Оррин, тяжело поднявшись, направился под тихий шепот в сторону семьи Гольдман. Поняв это, граф вытянулся, словно струна и презрительно фыркнул в сторону Сэмюэльсов.

Принц поприветствовал графа и, протянув руку к Ханне, пригласил ее на танец. Смущенная всеобщим вниманием, девушка прошла за принцем, чувствуя на себе внимательный взгляд отца. Танец был трудным, Оррин, тяжело заваливаясь на юную леди Гольдман, сбивался с ритма и практически не вел партнершу. Лицо его было отсутствующим, а дыхание спертым.

Вслед за именинником, начали выдвигаться лорды и леди. Незамужние девушку с трепетом ожидали приглашения, а юноши, робея, мялись на месте. Король Эдвин вновь обратил на себя внимание. Он подошел к детям Сэмюэльсов, что все еще стояли неподалеку, и самодовольно обратился к Эбигейл.

- Порадуйте старика танцем, леди Сэмюэльс. – он протянул ей руку, но Эбигейл, сложив тонкие запястья на груди, недовольно проворчала.

- Что ж, ведите своего старика, Ваше Величество, я проявлю благосклонность, но только потому, что об этом вы попросили. – король опешил и через мгновение рассмеялся.

- Я говорил про себя, миледи! – Эбигейл, кокетливо сыграв удивление, ответила.

- Я соглашусь на танец лишь при условии, что больше не услышу от вас такой нелепой лжи о том, что вы старик! – лицо короля, озаренное улыбкой под лестью юной красавицы, будто помолодело на десять лет. Втянув живот и выкатив грудь вперед, он гордо повел под руку свою прекрасную спутницу и закружил ее в танце. Он говорил, а Эбигейл звонко смеялась, разнося свое очарование по залу. Пирс и Аарон довольно переглянулись. Все шло так, как и было задумано.

Слуги пополняли бокалы господ и разносили изысканные закуски. Дамы, кружили подолами платьев, распространяя свои женские чары вокруг. Эбигейл Сэмюэльс протанцевав три танца с королем, затем два с братом и по одному танцу с лордом Гро и отцом, разморенная, вышла на балкон подальше от людских глаз. Она выудила из складок платья стеклянную банку и отпила из нее. К щекам ее прилила кровь, и сердце забилось ровнее. Погрузившись в свои мысли, она направила взгляд на огни деревень вдали. Деревья в саду умиротворенно покачивались под ровным дуновением ветра, успокаивая разум. Уединение ее было нарушено тяжелыми шагами. Она обернулась и увидела оробевшего юношу.

Гектор Болдуин, в попытке хоть на время избежать новых знакомств с потенциальными невестами, которых ему заботливо предоставляла его мама, незаметно проскочил на самый дальний и непримечательный балкон. Он бы с удовольствием упрятался там и на весь вечер, но не желая обижать свою матушку этим поступком, пообещал себе, что только лишь переведет там свое дыхание, но неожиданная встреча с объектом его сердечных волнений нарушила все его планы. Замерев, он стоял, не произнося ни слова, пока Эбигейл сама не обратилась к нему.

- Не стоит смущаться из-за моего присутствия, милорд, я уже ухожу. – Сказала она, направляясь к выходу.

- Я не лорд. – чуть слышно произнес Гектор, когда Эбигейл уже собралась покинуть балкон. Она повернулась и принесла извинения за свою неосведомленность.

- Мы с семьей живем уединенно, и я тут практически никого не знаю. – она замедлилась, ее нетерпеливой натуре было тяжело рядом с тем**,** из кого нужно было выуживать каждое слово.

- Если говорить откровенно, мы уже были представлены с вами. – начал Гектор, отводя взгляд от собеседницы. – Я со старшим братом и отцом путешествовали по северу, когда повстречали вас. Вы со своей служанкой заплутали во время прогулки, и мы предложили вас сопроводить до поместья. А в благодарность за это Ваш отец предложил нам ночлег.

Эбигейл сделала вид, что усиленно пытается выудить эти воспоминания из своей прелестной головки.

- Вы меня не помните, верно? – грустно прошептал Гектор. Эбигейл поспешив его успокоить, сказала.

- В любом случае, я благодарна вам за помощь. – она собралась выходить и на прощение бегло добавила. – Приятного вам вечера, сэр Болдуин.

Гектор оживленно взглянул на нее и угодил прямо в ее лукавые глаза, сверкающие озорными лучами.

- И научитесь уже смотреть дамам в глаза! – крикнула она на прощание.

Гектор провел остаток вечера на балконе, чем очень расстроил свою матушку. Но честь его больше не позволяла давать надежду другим дамам на их совместные планы. Все для него было решено и ясно. В сердце бесповоротно поселилась лишь одна избранница, пусть и недостижимая, но все-таки помнящая его.

Вечер близился к концу, а Мелани Фокс не достигла даже половины того, что было ею задумано. Она протанцевала несколько танцев с Эдвином и его старыми приятелями, которым он счел правильным ее представить. Но не один из них не годился для того, чтобы составить ей партию. Все они были, как и она сама, титулованы, но не имели ничего за душой.

Как ни упрашивала подруга представить ее юным лордам Чепмен и Клептан, ответ Эдвина Гольдмана был отрицательный. Пусть он и водил знакомства с этими людьми, но считал их общество недостойным молодой леди. И хоть те сами бросали взгляды на хорошенькую девушку, но так и не рискнули просить знакомства с ней, опасаясь сурового взгляда молодого графа. Лишь мысли о том, что празднования дня рождения принца продлятся по заверениям остальных, не меньше трех недель**,** давали ей надежду на то, что шанс еще не упущен.

Мелани наблюдала за тем, как Эдвин танцует со своей сестрой очередной танец, когда к ней тихо подошел граф Гольдман.

- Полагаю, бал не удовлетворил ваших надежд? – спросил он.

- Как можно, Ваше Сиятельство, все организовано прекрасно. – девушка постаралась скрыть свое беспокойство. По телу ее пробежали неприятные мурашки. Рядом с графом она всегда чувствовала себя неуютно и потому предпочитала не оставаться с ним наедине.

- Я говорил не о музыке и вкусе вина. – многозначительно ответил Гольдман. – Признаться, я украдкой слышал ваш разговор с моим сыном и был крайне возмущен тому, что он отказывал вам в знакомстве с некоторыми людьми.

Мелани проследила за взглядом графа и, убедившись, что он намекает ей на тех, кто вызывал ее интерес, отчаянно кивнула. Граф удовлетворенно продолжил.

- С вашего позволения, я бы мог представить вас им лично, завтра во время турнира. – леди Фокс загорелась, глаза ее удивленно смотрели на Гольдмана. Не думая о том, чем вызвана такая забота к ее персоне, она кинулась тут же его благодарить. – Не стоит, миледи, ваше будущее для меня важно, можете быть в этом уверены.

Он оставил Мелани наедине с вернувшейся к ней надеждой обдумывать то, какой наряд подобрать ей к завтрашнему дню и как уложить свои волосы.

Тем временем, шумный вечер подходил к концу, направляя опьяненных вином и чувствами гостей в свои покои. Эбигейл Сэмюэльс с трудом смогла убедить своих близких в том, что ей не требуется помощь и сопровождение. Она шла по коридорам, все еще наполненным людьми и гулом праздника, прислушиваясь к толпе. Минуя свою комнату, она осторожно вышла к лестнице, ведущей в тихий двор замка. И когда голоса людей остались совсем вдалеке, она, притаившись в углу, стала ждать. Через несколько минут осторожные шаги послышались на тропинке и во двор зашел человек, укутанный в длинный плащ. Лицо его было укрыто капюшоном, но даже это не скрывало беспокойства. Эбигейл, сложив губы в трубочку, издала певчий свист, и неизвестный направился к ней.

- Полагаю мне стоит отблагодарить тебя за ночной визит. – начала Эбигейл, как только человек в плаще приблизился к ней.

- Я приходил, чтобы сообщить кое-что. – начал он, откидывая капюшон с головы. – Но твое состояние не позволяло беседовать.

- И все же, спасибо**,** Рейнард. – уставшее лицо юноши слабо подсвечивалось луной. – Скажи, сложно было убедить короля пригласить нас ко двору?

- Не сложнее, чем убедить моих отца и брата ехать через ваши владения и принять предложение на ночлег. А дальше уже очарованный вашим гостеприимством, отец и сам не заметил, как стал убеждать короля в несправедливости вашего изгнания. - Эбигейл удовлетворенно улыбнулась.

- О чем же ты хотел мне рассказать? – Рейнард тяжело нахмурился, приносить дурные вести Эбигейл ему ни когда не нравилось.

- Кое-что все-таки идет не по плану. – он понизил голос и шепотом продолжил. – Отец взял Арчибальда с собой. – пауза, что появилась между собеседниками, нарастала тревогой и Рейнард, оправдываясь, продолжил. – Я отправил его на кухню сегодня. Матушка меня полностью поддержала, но Рэндольф протестует.

- Главное держи его и своего младшего брата как можно дальше от Ханны Гольдман. – Эбигейл разъярено ткнула пальцем в грудь Болдуина. – Если предсказания матери нас не обманывают, то они втроем могут сильно подпортить наши планы.

Эбигейл и Рейнард расстались в ночи, унося собой тревожные мысли о том, чьи помыслы никак не вертелись возле борьбы за престол и семьи Сэмюэльсов.

Глава 6. Арчибальд Вольф.

Тень, ложившаяся на Арчибальда Вольфа, была послана ему его же матерью. В приличных кругах имя ее не упоминали, боясь навлечь на себя беду. Однако Болдуины, которые и сами не обладали именем, достойным для господ, осмелились взять на себя груз воспитания этого юноши.

К двадцати годам, Арчибальд отчетливо понимал всю безвыходность своего положения. Он не был слугой в доме Болдуинов, но не был он там и сыном. Существование влачилось его в узенькой комнате на чердаке, что служила для хранения ненужных вещей. И когда ему казалось, что весь мир уже забыл о том, чей он наследник, косые взгляды людей напоминали ему о деяниях матери.

Ростом он был не высок, внешностью непримечателен. Он не получил от матери ее дара эмпата, унаследовав от отца звание «никчемного» - так называли в одаренных кругах тех, кто не обладал ни одним из шести сил создателя. Он горбился, стараясь быть незаметным, и, как правило, был молчалив. Единственным другом его был младший сын Болдуинов, что и сам часто оставался непонятым в обществе.

Связь их зародилась с раннего детства. Рэндольф Болдуин сразу почувствовал в юноше друга, хотя тот и упорно противился его компании. Так уж сложилось, что больше всего на свете Арчибальд Вольф не переносил шума и чрезмерной навязчивости. На беду, друг его обладал обоими этими качествами, но все же смог завоевать расположение юноши.

В попытках очистить кастрюлю от засохшего на ее стенках картофеля, Арчибальд зло выругался себе под нос. Он сидел в углу, выполняя свои монотонные обязанности, когда на кухню ворвался его друг.

- Да что Рейнард о себе возомнил! – прокричал Рэндольф. – Вставай, мы уходим! – Слуги, покосились на обезумевшего Болдуина. А Арчибальд, не прекращая своей работы, тихо призвал его к спокойствию.

- Я никуда не пойду. – ровным тоном сказал он. – Я даже рад, что меня отправили помогать сюда. Там. - сказал Вольф, посмотрев наверх. – Мне было бы не по себе.

Оглядевшись по сторонам, Рэндольф достал из-за пазухи бутылку вина, прихваченную по дороге. Он протянул ее другу в знак примирения и, загнув рукава нарядной рубахи, принялся начищать стоявшую рядом кастрюлю. Арчибальд благодарно улыбнулся и отпил прямо из преподнесенной ему бутылки.

- Как там обстоят дела? – тихо спросил он друга.

- До ужаса скучно. – ответил Рэндольф, толкнув юношу плечом. – Весь зал пропах лицемерием. А ведь я даже не дождался начала бала. – и они погрузились в работу, подбадривая себя вином и смешками.

Руки друзей были сморщены от влаги и плохо разгибались от холодной воды, когда на верхних этажах раздался шум разбредающихся людей. Один за другим, валившиеся с ног слуги, покидали помещение.

Рэндольф, заприметивший вино в складах кухни, выходя, ловко прихватил графин, вознаграждая себя за проделанную работу. Он был настроен, восполнить потерянное за натиранием посуды время. И благодарный за помощь друг, как бы ни хотел, не смог ему в этом отказать.

Ловко минуя стражников, они пробрались на одну из самых высоких башен замка. И через нее выбрались на крышу, где их мог увидеть лишь создатель.

Звездное небо завораживало и казалось очень близким. Рэндольф, часто любил высказывать свое мнение о том, что находится за его пределами, а Арчибальд всегда восторженно

слушал мечтания друга. Они провели не больше часа, попивая вино, пока холодный воздух не стал принуждать их к окончанию разговора.

Аккуратно пробираясь по черепицам крыши они услышали тихий шорох из башни. И подойдя чуть ближе, увидели совсем юную девушку, стоявшую на самом краю. Ветер развевал ее волосы и ночное платье, тело дрожало. Они услышали жалобные всхлипывания и в одно мгновение поняли, что замыслила незнакомка. Чтобы не напугать ее, они постарались бесшумно забраться в башню. Но когда Рэндольф уже заносил свою ногу над каменным выступом**,** из-под рубахи его выскользнул графин и со звоном полетел вниз. Встревожено девушка обернулась на шум и, напугавшись неизвестных, сделала резкий шаг и закачалась над пропастью. Арчибальд, тут же схватив ее за руку, притянул к себе. Она колотилась от страха и боли. Спасение не казалось ей благодатью, а лишь новым мучительным испытанием.

- Прошу вас, не рассказывайте отцу! – взмолилась она и потеряла сознание.

В руках Арчибальда повисла размякшая Ханна Гольдман.

Глава 7. Раненые души.

Рэндольф направился на поиски одеял, а Арчибальд остался приводить незнакомку в чувство. Они не знали, куда вести ее, потому как Вольф жил в общей комнате с прислугой, а Болдуин со своими братьями. А судя по последним словам девушки, она не хотела, чтобы кто-то знал о ее состоянии.

Запах ее тела выдавал большое количество выпитого вина. И поначалу Арчибальд решил, что именно оно подтолкнуло девушку к такому опрометчивому поступку. Но затем, случайно сдвинув рукав ночного платья, юноша увидел уже пожелтевшие от времени синяки. И внимательно присмотревшись, обнаружил, что такие были повсюду.

Веки Ханны начали слабо дрожать, когда Рэндольф вбежал в башню с украденными у прачек полотенцами и одеялами. Они закутали девушку, и приложи флягу с водой к ее губам, те жадно откликнулись на помощь. Еще через пару мгновений глаза ее раскрылись и в них прочитались сначала удивление, затем страх. Ханна робко оглядела своих спасителей и, поняв по одежде, что те, скорее всего не входят в окружение ее отца, слегка расслабилась.

- Мы никому не расскажем. – тихо поспешил успокоить ее Арчибальд.

- Лучше бы вы дали мне прыгнуть! – дребезжащим голосом произнесла Ханна и расплакалась. Рэндольф с приятелем растерянно посмотрели друг на друга. До этого им никогда не приходилось успокаивать плачущих дам, да и что уж там, разговаривали они с ними не так часто.

Ханна и сама не понимала, почему вдруг расплакалась при незнакомцах. С самого детства она училась держать свои чувства под контролем и скрывать то, что было под запретом для чужих глаз. Но слезы ее текли, словно вырвавшаяся наружу стихия, а молчание юношей казалось неприлично долгим.

- Я понимаю вас. – участливо произнес Арчибальд. – Я сам не раз думал о подобном. – глаза его друга округлились, но все же он промолчал, что было ему совсем несвойственно. – Вам кажется, что вы в западне и в мире нет никого, кто бы понял ваши чувства.

- Мне кажется, что я уже вовсе перестаю чувствовать что-либо. – тихо произнесла Ханна. – Все говорят о моем спокойствии и смирении, восхваляя их. Я улыбаюсь и кланяюсь им с абсолютным штилем внутри. – руки девушки понемногу начинали согреваться. А юноши, боясь встревожить ее, молчали и слушали. – Меня всегда учили полагаться на свой разум. Но, кажется, я делала это так часто, что совсем перестала слышать свое сердце. – она посмотрела на своих спасителей и в глазах ее была такая скорбь, что сердца разрывались на части. – Что делать тому, кто отчаялся? – спросила она.

- Бороться! – ответил Рэндольф, обращаясь не только к девушке, но и к другу. Ханна отвернула голову в сторону.

- Простите нас, мы не знаем, как к вам обращаться. – начал Арчибальд. – Я хотел сказать, что если вдруг вам нужна помощь, то мы… – он замялся. – Я оказался невольным свидетелем ваших ушибов. И если кто-то причиняет вам вред…

- Вы можете называть меня Ханна. – прервала его юная девушка. – То, что вы видели, дело рук моего отца.

- Ханна? – уточнил Рэндольф. – Вы Ханна Гольдман? – Девушка осторожно кивнула. Эти двое юношей вызывали в ней непонятные ощущения. Несмотря на их потрепанный вид и смешную наружность, она чувствовала, что может доверять им. – Я слышал о вашем отце от своего! Он премерзкий тип! – описание ее отца, вырвавшееся из уст собеседника, приободрило Ханну. В своем окружении, она слышала лишь раболепие и лесть о нем. И вот столкнувшись с тем, кто, так же, как и она видел в нем совсем другие черты, она будто поняла, что не безумна.

Ханна задрала рукава платья, обнажая следы побоев.

- Я и не помню уже свое тело без них. – призналась она. – Но даже если всем и станет известно о том, как поступает со мной отец, на это закроют глаза. Он ведь первый граф королевства и мой единственный опекун, и я являюсь частью его собственности. Лишь мой брат мог бы вступиться за меня, но я не хочу доставлять ему неудобств.

- А что же ваша матушка? – на свой вопрос Арчибальд получил от друга острый удар по ребрам. Он понял, что сказал то, чего говорить не стоило, но было уже поздно. Лицо девушки помрачнело, а едва успевшие высохнуть от слез глаза, вновь намокли.

- Вы будто живете в другом мире, раз ничего не знаете о моей матери. – горько произнесла Ханна. - Она – это главная боль нашей семьи. Я была младенцем, когда она оставила нас, сбежав помогать горстке выживших сторонников Элизабет Вольф, что укрылись после ее гибели.

Услышав это имя**,** Арчибальд невольно вздрогнул. Заметив это, Ханна осеклась и внимательно посмотрела на собеседника.

- Я вас чем-то огорчила? – извиняясь, спросила девушка.

- Вы тут ни при чем, миледи. – голос юноши дрожал, а глаза стыдливо прятались. – Не вы одна несете тяжкий груз предков. – он замешкался, пытаясь оценить реакцию Ханны на то, что он сообщит ей. – Мое имя Арчибальд Вольф. Женщина, которую вы только что упомянули, была моей матерью. И я пойму, если вы не захотите больше со мной разговаривать.

Удивление, охватившее девушку, заставило ее отвернуться. Арчибальд не видел первых ее эмоций, но Рэндольф внимательно следил. Он увидел, как лицо девушки напряглось, затем его охватила глубокая скорбь, вызванная то ли мыслями о прошлом, то ли о настоящем. Губы ее дрогнули и глаза, что говорили все за нее, выдали сочувствие к положению юноши. Рэндольф выдохнул и решил разбавить тон беседы.

- Ваша ситуация и вправду сложна, миледи…

- Прошу, зовите меня Ханна, по крайней мере**,** наедине. – прервала его леди Гольдман. – Кажется, вы уже достаточно знаете обо мне, чтобы считаться мне другом. Я не люблю формальные ноты, что всегда прививал отец своим воспитанием.

- Ханна. – продолжил юноша, обрадованный предложением сократить дистанцию между собеседницей. – Меня зовут Рэндольф Болдуин, и я обещаю, что все сказанное вами. Тобой. - девушка расплылась в улыбке. - Мы с Арчибальдом сохраним в тайне, если же, конечно, ты не пожелаешь обратного.

- Я буду благодарна вам обоим за это. Мой поступок был глуп, но я хотела разозлить этим отца. Ведь будь я мертва, он не смог бы воплотить в силу свои замыслы по поводу нашей женитьбы с принцем и его собственному возвышению за мой счет.

- Вы выходите замуж за принца Оррина? – голос Арчибальда стал непривычно твердым.

- Пока это все домыслы отца. – начала Ханна оправдываясь, сама не зная от чего. – Но он утверждает, что я единственная достойная кандидатка. Хотя появление Сэмюэльсов, кажется, взволновало его, и после бала он выплеснул на меня весь свой гнев. - Ханна нерешительно приподняла пряди волос со своей шеи, обнажая свежие следы удушья. Юный Болдуин яростно сжал кулаки, а Арчибальд взволнованно затеребил пуговицы на рубахе.

— Это не должно оставаться безнаказанным! – воскликнул Рэндольф. – Мы защитим тебя! Что-нибудь придумаем! – он нервно заходил из стороны в сторону, ругаясь себе под нос.

- Иногда мне думается, что его злит, то**,** как я похожа на свою мать. Она обладает даром целителя, и когда во мне начали проявляться ее способности, он впервые ударил меня, запретив развивать свою силу. – леди Гольдман грустно посмотрела вдаль, будто ища кого-то. – Кто бы**,** что не говорил про нее, иногда я желаю, чтобы рядом была она, а не отец.

- Вы думаете она еще жива? – неловко поинтересовался Арчибальд.

- Разные слухи ходят о ней, кто-то говорит, что после смерти вашей матери она совсем лишилась рассудка, ведь они были лучшими подругами. – Ханна потупила взгляд. – Но я часто слышу о целителе, что помогает «никчемным» скитальцам, кочующим возле мятежных морей.

Видимо в этом она и нашла свое призвание. – Девушка мечтательно вздохнула. – помогать людям, жить вдали от бесконечных правил и законов. Когда я думаю, о том, какой путь она выбрала, оставив меня, я не держу на нее зла, ведь будь у меня возможность, я бы сделала точно так же.

- Так давайте найдем ее! – пылающее от мыслей о приключениях, выражение лица Рэндольфа Болдуина не на шутку напугало друзей. – Если она еще жива, то мы сможем узнать, где она находится из книги судеб. Добраться туда будет не просто, но не для этого ли ты оказалась во дворце, и повстречала нас?

- Та книга судеб, что хранится в башне на запретных землях? – юноша возбужденно закивал. – Ох, я доверила свои тайны безумцам!

- Что-то в этой затее все-таки есть. – подал голос Арчибальд, стоявший в самом углу. – Не подумайте, мысль о странствие через запретные земли пугает меня не меньше, чем вас. Но разве вы не заслужили получить ответы?

- Пусть так, но даже если мы доберемся до башни, книга откроется лишь «никчемному». Где мы найдем глупца, что решится на это.

- Что ж, он стоит прямо перед вами.

Луна уже стала отступать от своих ночных обязанностей, когда трое заговорщиков принялись расходиться. План, что они бурно обсуждали всю ночь, был безрассуден и опасен, но все-таки он давал им надежду и отвлекал от реальности их миров. И даже когда Ханна, Арчибальд и Рэндольф забрались в свои постели, сердца их продолжали биться в унисон друг другу.

Глава 8.Судьба благоволит Гольдманам.

Пусть ночь Ханны Гольдман и встревожила ей сердце, но утро поспешило вернуть ее к реальности. Глаза девушки были красными от слез и недостатка сна, а руки тряслись от пережитых волнений. Она впустила робкую служанку в покои и та немедленно принялась за свою работу. Приводя в порядок свою госпожу, та в очередной раз увидела на ней новые следы обращения с ней ее отцом.

- Могу я порекомендовать вам на турнир ваше прекрасное желтое платье, то, что с высоким воротничком. – тихо предложила она Ханне. Леди Гольдман безучастно кивнула.

Когда приготовления были закончены в комнату вошел граф Гольдман. Он голосом владыки выпроводил за дверь служанку и обратился к дочери.

- Выглядишь ужасно, Ханна. – а затем, взглянув на то, как умело подобранное платье, скрывает от глаз его вечерние деяния, хищно улыбнулся. – Но все же от тебя есть прок. С утра мне доставили сообщение от короля. Он приглашает нас в свою ложу во время турнира. – он начал расхаживать по комнате разглядывая каждый ее уголок. – Рад, что твое унылое лицо на балу не отпугнуло принца. Хотя, учитывая то, каков он сам, вы, кажется, смотрелись с ним даже весьма гармонично. – Гольдман усмехнулся своим мыслям и продолжил. – Но все же сегодня я жду от тебя большего. Мало понравится принцу! Тебя**,** прежде всего**,** должен заметить король. Ты видела, как лебезила перед ним Эбигейл Сэмюэльс? Они наверняка долго отрабатывали эти трюки, сидя в заточение своего же поместья.

Непривычная волна отваги захлестнула Ханну. Она уже не смотрела на отца с тем страхом, что преследовал ее всю жизнь. Мысли о предстоящих поисках матери отвлекали ее от интриг, что плел граф Гольдман за счет своей семьи.

- Не волнуйтесь отец, если во мне есть хоть что-то от вас, я смогу лебезить и кланяться перед королем.

Глаза ее отца загорелись яростью, он замахнулся на дочь со сжатым кулаком, как вдруг в дверь постучали. Через мгновение в комнату вошел Эдвин Гольдман, расплываясь в нежной улыбке при виде сестры.

- Я с каждым днем все больше поражаюсь твоей красоте, моя милая сестра. – он ласково потрепал Ханну по волосам и поприветствовал отца.

- Осторожно, испортишь ей прическу. – сухо произнес граф и все трое направились на турнир.

По дороге, отец объявил сыну важную новость о приглашении их семьи сопровождать короля в ложе. Эдвин взволнованно вспомнил о своей подруге, что дожидалась их в зарезервированной для них зоне.

- Мелани не может присутствовать с нами, приглашены были только Гольдманы. – и тут же мысль, пробежавшая в голове графа, заставила его улыбнуться. – Хотя, впрочем, ты прав. Невоспитанно оставлять юную леди совсем одну. Я позабочусь о ней и ее досуге.

Возможность отделаться от надоедливой подруги сына немного приободрила Гольдмана старшего, и тот даже на секунду забыл о неожиданной дерзости своей неблагодарной дочери.

Шумная площадь заполнялась народом. Королевские стражники в изумрудных облачениях разграничивали господ от никчемных, направляя последних на скамьи под палящим солнцем. Ложи одаренных находились чуть выше. Они были накрыты тканями и украшены королевским гербом Глисонов – рыцарем**,** протыкавшим голову эмпата острым кинжалом.

Мелани Фокс терпеливо дожидалась Эдвина возле указанного ей входа, но вместо друга с пугающе воодушевленным видом к ней приближался глава семейства Гольдманов. Он радушно поприветствовал девушку и ничего не объясняя, повел ее в сторону.

- Ваше сиятельство, что-то случилось с Эдвином? – обеспокоенно спросила девушка.

- С ним все прекрасно, миледи! Он передавал вам пламенный привет и свои извинения. Судьба распорядилась так, что сегодня наша семья сопровождает короля. – Мелани тут же загрустила. Быть в сопровождении друга хоть, и означало лишаться возможности воплотить в задумку ее планы об успешном замужестве, но все же перспектива остаться одной на турнире удручала ее куда больше. – Я решил, что раз так складываются обстоятельства, я непременно выполню обещание, что дал вам накануне! – Мелани мгновенно засияла.

- Вы представите меня тем лордам, о которых мы говорили с вами вчера?

- Да. И даже лучше. Я представлю вас одной из их сестер, и тогда вы сможете провести сегодняшний вечер с ними в ложе, как ее подруга. А уж там вы вдоволь насладитесь их обществом. – Гарри Гольдман, слегка подпрыгивая, довел девушку до нужного места и, проходя вперед, подбадривающе ей улыбнулся.

Пять юношей и одна девушка сидевшие там вопросительно взглянули на незваных гостей. Но все же статус графа не позволял относиться к его присутствию пренебрежительно.

- Ваше Сиятельство! – провозгласил один из них, чьи волосы отдавали медью. Вслед за ним поприветствовать Гольдмана поднялась рядом сидящая юная девушка, цвет волос которой был таким же. Они обменялись любезностями и посмотрели на Мелани.

- Позвольте представить вам прелестную леди Фокс. – произнес граф и обратился к спутнице. - Лорд Клептан и его очаровательная сестра Джулиет. Вы не сыщете людей более интригующих, чем они. – присутствующие сзади легко рассмеялись. – Миледи. – продолжил граф, обращаясь к хорошенькой сестре лорда. – Не будете ли вы так любезны, составить компанию горячо дорогому мне человеку. Мои обязанности не позволяют уделить должного внимания нашей спутнице.

- Ни слова больше! – задорно прервала его леди Клептан. – Я с удовольствием приму в компанию юную даму, чтобы разбавить этот аромат мужского чванства в воздухе.

Мелани выдохнула, но самодовольное лицо графа и лукавые взгляды мужчин, находившихся в ложе, оставляли осадок поражения. И даже несмотря на то, что все происходящее шло ровно так, как было задумано, она отчетливо ощущала, как земля уходила у нее из-под ног.

Полностью удовлетворенный положением вещей, что так благополучно складывались сами собой, Гарри Гольдман направился к королю. Когда дети его присоединились к воодушевленному отцу, он заверил Эдвина, что оставил леди Фокс в назидание надежных рук, не уточняя, правда, при этом в каких именно.

- Как там наш сэр Клауд? – спросил он сына, подходя к желанному ложе.

- Таким воинственно настроенным я не видел его уже давно. – радостно сообщил Эдвин отцу. – Думаю, у нашего стражника есть все шансы победить в этом турнире. Только вот я видел таблицу и первым соперником его стоит стражник Сэмюэльсов. Дунканы хоть и древний род, но мальчишка так юн и неопытен, справедливо ли выставлять его против такого воина, как сэр Клауд?

Граф затрясся от радостных известий, предвкушая счастливый исход вечера. В голове его, победа Гольдманов в турнире означала и победу в борьбе за престол. Ханна покосилась на сияющего отца и увидела его вдруг для себя жалким. Но ни презрительные взгляды дочери, ни переживания сына за юного Дункана не могли омрачить настроение Гарри Гольдмана, когда тот пружинисто взбегал по лестнице в ложу короля. И лишь он достиг верха, улыбка сползла с его лица. Он увидел сидящих возле короля Деклана Болдуина и Алана Сэмюэльса.

Глава 9. Рэндольф Болдуин.

Рэндольф Болдуин не был, красив и силен, как его брат Гектор и не владел прилежанием и усидчивостью необходимыми для изучения наук, как Рэйнард. Потому в семье он всегда считался запасным сыном на случай, если два старших были заняты. Ему поручали простые дела, не ждали многого и заведомо были готовы к его неудачам. Такое положение вещей ничуть не смущало младшего из братьев. Он был волен делать все, что ему хотелось. Никто и никогда не донимал его планами о будущем, а значит, мысли его были важны лишь для него самого здесь и сейчас.

Будучи лишь тенью в доме, он научился наблюдать за людьми. Так, в девять лет, он заявился в покои отца с вестью о том, что служанка по дому присваивает себе свечи, сожжённые лишь наполовину, а списывает их в домовой книге, как полностью использованные. Несколько дней подряд пытливый ум рассчитывал скорость, с которой сгорает одна свеча и складывал их количество, а затем, пробравшись в кладовую, сверил свои догадки с цифрами в учете. Служанку в семье Болдуинов, конечно, никто бранить не стал, да и это совсем не было целью ребенка. Лишь нахождение истины будоражило мысли Рэндольфа. Он наблюдал, делал выводы и усмехался открытиям в своей голове.

Он был стражником, как его отец и брат Гектор, но таковым себя не ощущал. Его низкорослое и пышное тельце точно не служило бы ему в сражениях, а скоротечность и смелость мысли часто ставила его в опасные положения. Однако же, кое-что он точно унаследовал от стражников. Все его инстинкты и помыслы были направлены на защиту слабых, даже если те совсем не просили об этом. Именно потому Рэндольф Болдуин так рьяно высказался о своих намереньях помочь ночной незнакомке.

Пробравшись в свои покои почти с рассветом, он краем глаза заметил отставленные в угол сапоги Рейнарда. Вид их был не опрятен и совсем не соответствовал щепетильному характеру их владельца. Запомнив эту деталь, чтобы с утра посмеяться над братом, Рэндольф завалился на свою постель и тотчас уснул. Но все надежды на долгий сон были развеяны матерью семейства.

Нора направилась к сыновьям, чуть только услышала благие вести от короля. Зайдя в покои, она обнаружила Рейнарда уже собранным, за чтением книги. Гектор в попытках проснуться раскачивался из стороны в сторону, делая махи руками и сражаясь с невидимым соперником. Младший же крепко спал, разрушая тишину вокруг своим привычным для всех сопением.

- Мальчики мои! – воскликнула Нора, направившись будить Рэндольфа. Тот, в ответ на все попытки матери, спрятался за простыней. Она кивнула старшим сыновьям и те, радостно подхватив младшего брата, понесли его в уже остывшую ванну в углу комнаты. И после нескольких шутливых попыток Гектора утопить пленника, он сдался.

- Надеюсь, все полученные мною увечья пойдут во благо. – прошипел Рэндольф, обтираясь от холодной воды.

- Я принесла для вас благие вести. – ровным тоном произнесла мать. – Король пригласил нас в свое ложе на турнир. – она внимательно посмотрела на сыновей. Рейнард был, как и прежде невозмутим, Гектор взволновано спрятал глаза, а Рэндольф хитро прищурился.

- И кто еще приглашен кроме нас? – спросил последний.

- Конечно же, Гольдманы, ну, и Сэмюэльсы. – коротко ответила Нора.

- Гольдманы. – довольно процедил ее младший сын.

- Сэмюэльсы. – раскрасневшись, повторил средний.

- Поблагодарите своего брата. – отрезала мать, глядя на Рейнарда. – Если бы он на балу не произвел нужного впечатления на короля, мы бы смотрели на турнир неподалеку от «никчемных».

Сбежавший еще до начала бала Рендольф, который направился на поиски своего друга, и укрывавшийся на балконе половину вечера Гектор, тут же почувствовали укор в свою сторону. Но тут, неожиданно, на их помощь пришел любимец матери.

- Не думаю, что это полностью моя заслуга, матушка. – сухо произнес Рейнард. – Я провел за беседой с королем не больше других. – Нора вопросительно посмотрела на сына. – Я слышал, как семья Сэмюэльсов отзывалась о том, как мы сопровождали юную леди Сэмюэльс. И позволю предположить, что именно их лестные высказывания в наш адрес заставили вспомнить короля о наших скромных персонах.

- Пусть будет так. - недовольно произнесла она и тут же дала распоряжения по тому, как одеться сыновьям на прием. А после добавила. – Я думаю, Арчибальду будет полезно провести время на конюшне. - Рэндольф кивнул. Как бы ни любил он своего друга, он понимал, что тут он был и вправду неуместен.

Когда все трое братьев собрались отправиться на турнир, младший вдруг вспомнил, как хотел подшутить над сапогами Рейнарда. Но посмотрев на них, увидел, что они натерты до блеска.

- Когда ты успел начистить ботинки? – воскликнул он.

- О чем ты говоришь? – молодой человек стряхнул соринку с нарядной рубахи и**,** не обернувшись**,** вышел из покоев. Гектор и Нора последовали его примеру.

Немного погодя, младший Болдуин подошел к кровати брата и внимательно осмотрел место, где ранее лежала его обувь. Не обнаружив там ни следа, он уже хотел оставить эту мысль, как вдруг заметил черный плащ для прогулок. Это было неоспоримо. Пусть Рэйнард и успел отмыть свои сапоги, но подол его плаща все еще был грязным. У Рэндольфа от удовольствия закружилась голова, ведь теперь его ждала новая загадка.

Глава 10. Место возле короля.

К удовольствию короля, Сэмюэльсы и Пирс Гро прибыли первыми. Он долго думал о том, как расположить приглашенных гостей, не выказывая при этом ни к кому своего расположения. Но все же, Эдвин Глисон, отчетливо понимал, что все его внимание сегодня направлялось лишь к ним.

Алан и Аллен заняли место справа от короля. Одежда их была проста, хоть и сшита из хороших тканей. Вслед за ними сел их сын, облаченный в шелковую рубаху, стоимость которой, могла бы запросто покрыть годовые нужды одной «никчемной» семьи. Далее, заняв почти два места, расположился лорд Гро. Эбигейл Сэмюэльс, к нескрываемому сожалению короля, сидела вдали за всеми. Ее черные локоны были собраны и открывали длинную шею. Струящееся платье, цвета фамильного герба Глисонов развевалось на ветру. Она отличалась от той девушки, что Эдвин повидал на балу. Была кроткой и нежной, но также завораживающе вздыхала и звонко смеялась. И прежде, чем ложе посетили новые гости, король заметил во взгляде своего сына, обращенного на Эбигейл, то, чего никогда не наблюдал раньше – заинтересованность.

Деклан Болдуин уверенным шагом направился к королю. И после официальных приветствий с удовольствием обратился к чете Сэмюэльсов. Новоприбывшие разместились слева от короля за круглым столом, оставляя тем самым, для Гольдманов самые дальние места.

Рендольф Болдуин не терпеливо дергал ткани изысканной скатерти в ожидании, Гектор сидел неподвижно, вцепившись в свои колени, а Рейнард непринужденно беседовал с главой семейства Сэмюэльсов. Неохотно поддерживая беседу, король**,** то и дело бросал свой взгляд**,** то на юную Сэмюэльс, то на своего сына. К его удивлению, он даже заметил, как Оррин, пусть и глухо, но все же рассмеялся над очередной невинной шуткой Эбигейл. Вначале он по-отцовски воспламенился гордостью к успехам сына, но спустя мгновение ощутил тянущее чувство ревности.

Все решило появление Гольдманов. Замерший на мгновение граф, оценивающим взглядом пробежался по окружающей обстановке. Он злобно выругался про себя, проклиная и леди Фокс, из-за которой они задержались, и Сэмюэльсов с Болдуинами, решивших, что могут прийти вперед его. И даже самого короля, не догадавшегося приберечь место возле него.

Он поприветствовал уже находящихся за этим круглым столом гостей, размышляя как сесть. «К Болдуинам или к Сэмюэльсам» - пронеслось у него в голове. И проговорив наигранные любезности, он направился к Эбигейл. Сын его, как и полагалось, сел сразу за ним, а Ханна, краснея и дрожа от волнения, оказалась между братом и Рэндольфом Болдуином.

Все было как-то не так. Окружающие старательно обходили острые темы, и воздух вокруг становился все более стесняющим. Одна закуска сменялась другой и слуги едва успевали пополнять бокалы господ. Каждый из сидящих за столом отчетливо понимал, что все происходящее вокруг большая игра. Но вот только никто не понимал, что каждый ведет свою.

За весь обед Рендольф не перекинулся с Ханной даже словом, поскольку был занят тщательным изучением повадок ее отца. Гектор ни разу не взглянул на предмет своих мечтаний, хоть и с трепещущим сердцем слушал все, что она говорила другим. Гарри Гольдман несгибаемо держал оборону, укрывающую короля от Сэмюэльсов. А Рейнард вел себя с Эбигейл так, как стоило бы вести себя с человеком, которого, по мнению всех окружающих ты видишь второй раз в жизни. Все играли в игру, и каждый думал, что побеждает.

Закончив трапезу, Эдвин Глисон похлопал в ладони, тем самым разрешая открыть турнир. Невидимое напряжение чуть спало, позволяя присутствующим рассуждать о воинах и их победах. Кто-то начал делать ставки, кто-то рассуждать о жестокости боев. Даже Гектор чуть встрепенулся**,** заслышав о сражениях.

- Такой благородный шаг, выбрать на бой мальчишку! – обратился Гольдман к Сэмюэльсам. – Поставь вы в бой его дядю, мы все оказались бы в нелепом положении. – уголки его губ невольно поползли вверх.

- Позвольте говорить о нашем благородстве после того, как вы увидите Виктора на арене. – перебил его Аарон, поднимая бокал с вином.

Король радостно рассмеялся, призывая всех к парапету. Все беспрекословно встали со своих мест.

Воспользовавшись ситуаций, Рэндольф незаметно шепнул Ханне: «Ты как?». В ответ она растеряно улыбнулась. Но глаза! Ее глаза говорили обо всем. Это была уже не та девчонка, что еще ночью была готова прыгнуть в объятия создателя. Юноша довольно кивнул и пошел вслед за братьями.

- Вы любите турниры, миледи? – спросил король тихо, даже интимно, обращаясь к Эбигейл.

- Сейчас и узнаем, мой король. Это ведь мой первый турнир. – так же тихо прошептала она.

- Как же? – Эдвин Глисон осекся за мгновение до следующего вопроса. Он осознал его глупость. Сэмюэльсы были в изгнании сразу после появления на свет его прекрасной собеседницы. Где ей было ходить по турнирам? Он виновато отвел взгляд. «Какой опрометчивый поступок судить обо всем семействе из-за одного подлеца» - подумал он.

- Прошу поторопиться со ставками! – прокричал в толпе «никчемных» щуплый мужчина.

Глава 11. Ставки сделаны.

«Хорошо, что создатель не видит того, что творится вокруг» - подумала Ханна Гольдман, когда очередного воина уносили с арены. Песок был пропитан кровью. В воздухе пахло потом. Толпа бушевала. Сражения на копьях, сменяли сражения на мечах. Тех, кто трусливо пытался убежать с поля, из лука добивали свои же лорды.

Для победы в бою, достаточно было серьезного ранения, но звуки ликовавшей толпы вынуждали доводить бойцов свое дело до конца. Леди жмурились, а лорды натужно смеялись, благословляя судьбу, что родились теми, кто сидит в ложе.

- Сделаем ставку? – азартно обратился граф Гольдман к лорду Сэмюэльсу.

- Я считаю, это будет подло с моей стороны. Мне ясно, что победит Виктор. – Алан весело обернулся к Бернарду, стоявшему позади, и подмигнул. Лицо его стражника было невозмутимым.

- Бросьте! Сколько мальчишке? Двадцать лет? Быть может двадцать пять? – продолжил граф.

- Двадцать один. - коротко отрезал старший Дункан. Гольдман, будто отряхнувшись от общения с человеком сословием гораздо ниже его, дернулся.

- Я вижу, в деньгах вы не нуждаетесь. – многозначительно взглянув на наряды детей четы Сэмюэльс, продолжил граф. – Скажите вашу ставку. В конце концов, если вы так уверены в своем воине, вам нечего терять.

- Земли у Мятежных морей. – вторглась Эбигейл. – Те, что раньше принадлежали роду Кальверов. Аарон, пытавшийся сдержать сестру, был изгнан одним лишь взглядом.

- Земли Кальверов? – удивился граф, ожидая, что это глупая шутка. – Земли, что принадлежали моей покойной жене? К чему они вам?

- Сделаем подарок другу. – коротко ответила Эбигейл и покосилась на Пирса.

Гарри Гольдман рассмеялся. Сначала уверено, зачем чуть тише, а в конце, вовсе не найдя **поддержки** от окружающих, сжато и чуть истерично.

Земли эти не приносили ему того дохода, которого он от них ожидал. Они требовали много усилий и вложений. И к тому же ему вечно доставляли проблемы**,** то капризы Мятежного моря, то «никчемные» скитальцы, живущие неподалеку. И не задумываясь, он протянул руку Алану Сэмюэльсу, игнорируя то, что предложение исходило вовсе не от него.

- Принимаю ставку в обмен на ваши рудники.

Ханна Гольдман нервно сжалась и посмотрела на Рэндольфа, а тот и так смотрел на нее с тех пор, как услышал фамилию Кальверов, ту, что **когда-то** носила ее мать.

Глава 12. Победитель получает все.

Граф Гольдман думал о том, что пронеслось в его голове еще до того, как он поднялся в эту злосчастную ложу. «Победа сэра Клауда в турнире, будет обозначать победу над Сэмюэльсами в целом». Он был деятелем, а значит человеком практичным и верящим лишь в то, что можно увидеть и потрогать. Но символизм этой победы будоражил его.

Сэр Клауд был победителем пяти королевских турниров и обладателем самых почетных званий в местных состязаниях. Ростом он был больше двух метров и шириной, как две бочки его любимого вина. Графу было даже жаль мальчишку Сэмюэльсов. Жаль, что он служил таким глупцам.

Но Алан Сэмюэльс был все же чрезмерно спокоен для того, кто сделал несоизмеримо высокую ставку. Он пропустил своих детей вперед, что бы те могли видеть сражение лучше. А сам тем временем за их спинами спокойно опустошал бокал вина.

Толпа взревела при упоминании сэра Клауда. Размахивая гербом графства Гольдманов на котором была изображена золотая чаша, он приближался к центру арены. Ему и всем «никчемным» был очевиден исход битвы и то, что продлится она совсем недолго. Что ж, в одном из этих утверждений они были определенно правы.

Из противоположных ворот вышел юноша. Он годился сопернику в сыновья, хоть и выглядел немногим старше своих лет. Герб его развевался на ветру, заставляя шелестеть изображенное на нем кровоточащее сердце. Виктор Дункан был невозмутим и на мгновение сэр Клауд притих в ожидании подвоха. Но ликующая толпа быстро вернула его к реальности. «Он лишь глупый самоуверенный мальчишка» - успокоил себя он и, взревев, как зверь, воткнул герб Гольдманов одним взмахом руки на треть в землю.

Клауд вытащил из ножен свой меч и снова злобно завопил, обращаясь уже к толпе. «Никчемные» восторженно откликнулись. Женщина с гнойными следами на лице обнажила свою грудь, а несколько совсем юных оборванцев кинули в сторону Виктора стухшие овощи. Гольдман довольно усмехнулся.

Происходящее дальше долго не могли осмыслить даже самые трезвые зрители. Сэр Клауд огромными шагами побежал в сторону противника, когда тот остался стоять на месте. Казалось, что бегущему воину меч был и вовсе ни к чему. И вот, когда нежные барышни сидящие в своих зарезервированных ложах уже закрыли глаза, Виктор Дункан сделал гибкий и уверенный шаг в сторону и оказавшись позади соперника, одним лишь взмахом меча лишил того головы.

Все вокруг молчало. Ни рева толпы, ни завываний ветра. Даже хищные птицы, ждущие лакомств, кажется, забыли для чего они здесь. Обезглавленный сэр Клауд упал на колени, а затем и вовсе рухнул, разнося пыль с места побоищ от себя.

Под робкие аплодисменты Виктор подошел к королевской ложе и поклонился сначала Эдвину Глисону, а затем и Сэмюэльсам, остановив свой взгляд на Эбигейл. Она довольно переглянулась с братом и направилась поздравлять смущенного лорда Гро с новыми землями. Граф Гольдман тем временем уже молча направился к выходу.

Глава 13. Разитые мечты.

Турниры никогда не нравились Мелани Фокс, однако в этот раз все было по-другому. Причиной тому были ее новые знакомые. Леди Клептан была любезна, и казалось, искренне радовалась появлению в их ложе еще одной девушки. Брат ее обходительно ухаживал за новоприбывшей. А остальные мужчины не сводили с леди Фокс восхищенных глаз.

Любоваться им и вправду было чем. В своем скромном наряде Мелани казалась неограненным алмазом. Она была высокой и тонкой. В движениях ее была природная грация, которой порой не могут похвастаться даже самые трудолюбивые танцоры. Волосы ее нежно завивались в темно русые локоны, а глаза напоминали таинственные бескрайние леса.

Леди Фокс сбилась со счету, когда пыталась прикинуть, сколько уже было выпито ею бокалов. Она никогда не пробовала такого хорошего вина. Что уж скрывать, в своем поместье она ограничивалась парой дешевых бокалов в месяц, а на приемах у Гольдманов пить дорогие и неизвестные ей вина всегда стыдилась. Но здесь, укутанная заботой окружающих и укрытая от посторонних глаз плотными тканями ложи, Мелани почувствовала себя расслабленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.